

Виктор Найменов

ОКРУЖЕНИЕ

Виктор Найменов

Окруженец

«Accent Graphics communications»

2013

Найменов В.

Окруженец / В. Найменов — «Accent Graphics communications»,
2013

Военная драма о второй мировой войне. Лейтенант Красной Армии после гибели всей своей заставы в лесу пробирается к своим мимо постов нацистов. Образы: заболоченный лес, мертвые солдаты с пулеметами, немецкие портфели с документами, полковничий коньяк, долгий и кровавый путь. Я очнулся от того, что кто-то пытался забраться мне на голову. Открыл глаза и увидел лягушку прямо перед носом, снова закрыл и открыл несколько раз подряд, но видение не исчезало, и сознание, наконец-то, вернулось ко мне. Я приподнялся, прислонился спиной к шершавому стволу сосны и медленно осмотрелся. Было уже сумрачно, но угадывалось, что вокруг меня лес. У меня болела голова, но не очень сильно, но самое неприятное было то, что я не помнил ничего: ни кто я такой, ни как здесь оказался. Начал осторожно ощупывать себя, все вроде бы нормально, но ощущение чего-то страшного меня не покидало. Я оглядел себя, на мне была офицерская форма, хотя гимнастерка разодрана в клочья. И тут меня как будто кто-то крепко тряхнул за плечи, и я стал вспоминать то, что случилось со мной за последние сутки. Самое главное, я вспомнил, кто я есть такой и что делаю в этом лесу. Лейтенант Красной Армии, заместитель начальника заставы – Герасимов Виктор, вероятнее всего контуженный, но терпимо. Командир в общем, но без войска – все мои бойцы остались лежать на своей заставе.

© Найменов В., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	9
5	11
6	12
7	14
8	15
9	17
10	18
11	21
12	22
13	24
14	26
15	28
16	29
17	30
18	32
19	33
20	35
21	39
22	42
23	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктор Найменов

Окруженец

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Я очнулся от того, что кто-то пытался забраться мне на голову. Открыл глаза и увидел лягушку прямо перед носом, снова закрыл и открыл несколько раз подряд, но видение не исчезло, и сознание, наконец-то, вернулось ко мне. Я приподнялся, прислонился спиной к шершавому стволу сосны и медленно осмотрелся. Было уже сумрачно, но угадывалось, что вокруг меня лес. У меня болела голова, но не очень сильно, но самое неприятное было то, что я не помнил ничего: ни кто я такой, ни как здесь оказался. Начал осторожно ощупывать себя, все вроде бы нормально, но ощущение чего-то страшного меня не покидало. Я оглядел себя, на мне была офицерская форма, хотя гимнастерка разодрана в клочья. И тут меня как будто кто-то крепко тряхнул за плечи, и я стал вспоминать то, что случилось со мной за последние сутки. Самое главное, я вспомнил, кто я есть такой и что делаю в этом лесу. Лейтенант Красной Армии, заместитель начальника заставы – Герасимов Виктор, вероятнее всего контуженный, но терпимо. Командир в общем, но без войска – все мои бойцы остались лежать на своей заставе.

2

Нас всех разбудил и, буквально, подбросил с кровати, как пружина, грохот разрывов артиллерийских снарядов. Ничего не понимая спросонья, я все-таки успел кое-как натянуть форму и выскочил на улицу из своей комнатухи, но сразу, же споткнулся об лежащего человека. Он был мертв, осколком снаряда у него снесло полчерепа, и я его не узнал. Обстрел внезапно закончился, и начали появляться пограничники, занимая свои места по боевому расписанию. Мы ждали войну, и вокруг заставы были выкопаны траншеи в полный профиль, чтобы вести круговую оборону. Начальник заставы Леха Николаев был уже среди бойцов. Я хотел было доложить ему, но он, молча, махнул рукой, мы посмотрели в глаза друг другу и поняли все без слов. Снова загрохотали выстрелы, на нас пошли танки и пехота. Начался кромешный ад. Немцы несколько раз врывались в нашу траншею, но мы умудрялись выбивать их оттуда. Они лезли и лезли, как тараканы, телами убитых было все завалено перед нашей траншеей, их танки ползли по своим солдатам, и это было очень страшно! К середине дня наступило затишье, немцы явно перегруппировывали силы, им все-таки не удалось взять заставу с хода. Я перевернулся на спину, раскинул руки в стороны и стал смотреть в безоблачное небо, по которому на восток плыли самолеты врага, и разрывы бомб слышались уже километрах в десяти в нашем тылу. Было слышно, как Леха Николаев обходит траншею, окликая бойцов, и наконец, он подошел ко мне. Я узнал его не сразу, он был весь какой-то черный, как будто специально вывалянный в саже. Голос хриплый:

– Что молчишь? Не узнал? Наверняка долго жить буду!

Я промолчал, а Леха присел на корточки напротив меня:

– Это война, Витек.

– Да, похоже на то.

– Нет, точно война. Черт возьми, и связи нет никакой: ни с отрядом, ни с другими заставами. Находимся, как в бойкоте каком-то!

– Что делать-то будем, Леха? Долго здесь громить врага у нас не получится, формат не тот.

– Слушай, лейтенант, приказа мы не получали никакого, да и вряд ли уже получим. Так что придется тут нам оставаться, повоевать еще немножко.

– Если только немного. Может, наши вояки подойдут, тогда еще ничего, а если не будет никого, то хана нам всем здесь и придет. Сколько бойцов осталось?

– Пятнадцать человек всего, раненые почти все, но легко. Хорошо, тяжелых нет. А комиссара прямо в сердце, у меня на глазах так и скосило, как сноп повалился. Так, надо глянуть, что там у этих твориться, наверное, опять попрут скоро.

Он взял бинокль и стал наблюдать в сторону границы. Смотрел не очень долго, отнял бинокль от глаз, помолчал и сказал:

– Ну, вот и зашевелились, гады. Полезут сейчас, давай прощаться, что ли, Витек, чую, не увидимся больше! Пойду на другой фланг, к пулемету.

Мы обнялись, и он ушел. И все. И началось!!! Опять очереди, разрывы гранат и снарядов. И страшная рукопашная с остатками прорвавшихся к нашей траншее немцев. Раздалось ужасное для врагов «ура», и они были смяты и уничтожены. Последнее, что я помнил, была вспышка и дикий грохот. Все.

3

И вот сижу я под сосной в каком-то болотистом месте и не могу вспомнить, как я сюда попал. После взрыва не смог вспомнить – вспоминал, вспоминал, и не смог. Наверное, выбило из памяти этот кусок моей жизни навечно. Хотя, может быть, и вспомню когда-нибудь, если, конечно, жив, останусь, что весьма и весьма проблематично в моем положении.

Я снова стал ощупывать себя и с надеждой расстегнул кобуру. Ура, пистолет на месте, хотя я и не помнил, чтобы доставал его во время боя. Воевал я подобранной у убитого пограничника винтовкой, а мой ТТешник не сделал ни единого выстрела. Я выщелкнул обойму – все на месте. Ну, что же, это очень ценно, а еще хорошо, что мои галифе остались целыми, а то как бы я выглядел – командир Красной Армии в дырявых штанах.

Ну вот, с этим определился. Теперь маршрут – куда топать? Но в данный момент это невозможно, потому что уже стемнело. И если идти куда-нибудь, то можно и глаза оставить где-нибудь на сучках. К тому же, у меня не было компаса, а направления точного я не знал, поэтому надо оставаться на месте до рассвета и уж потом решать в какую сторону двигать. Хотя, безо всякого сомнения, топать надо только на восток. Я понимал, что немцы поперли напролом, мне надо будет очень и очень постараться, чтобы нагнать свои войска. И еще я понимал, почему нам не было оказано никакой помощи: во время боя на небе не было ни единого нашего самолета! Это было обидно, обидно и очень странно.

4

Ну вот, наконец-то и рассвет. Ночь, хоть и короткая, не принесла никакого облегчения. Во-первых, комары замучили, кровососы несчастные, а во-вторых, меня не отпускало какое-то странное ощущение, что я покинул позиции без приказа. Хотя я и не помнил ничего, но мне казалось, что это именно так. Ну, да ладно, переживем!

В общем, рассвело, и мне надо продумать, что и как делать дальше, и хотя идти можно и по солнцу, но мне надо иметь представление о том, где я нахожусь, и еще хотелось, есть, а у меня в карманах шаром покати. Что же, сиди, не сиди, а надо выбираться куда-нибудь, желательно поближе к дороге, где я смогу отыскать что-нибудь нужное. Я поднялся и медленно побрел на восток, благо зарево рассвета было заметно и в лесу. Хотя лесом это место можно назвать с большой натяжкой, скорее это был сосновый подлесок с мшистой поверхностью. Голова у меня все еще побаливала и кружилась, но стало уже заметно легче.

Прошагал я так я так примерно часа два, когда услышал впереди и немного правее какие-то звуки, похожие на урчание техники. Добрался я туда довольно быстро и увидел движущиеся танки, ну и сволота, а наши-то где?

Шоссе было довольно широким и вело оно, скорее всего, в сторону Барановичей. И я решил двигаться вдоль дороги, хотя и в некотором отдалении. Колонна прошла, и я приблизился к шоссе. Здесь меня что-то насторожило, я стал двигаться тише, осторожно раздвигая кусты, и увидел небольшой окопчик метрах в трех от дороги, а в нем пулемет «Максим» и двух человек в военной форме. Окликнув их и не дождавшись ответа, я медленно подполз к ним. Оба были мертвы, наверное, уже несколько часов, и погибли они еще, накануне – поздним вечером. Еще у них была мосинская трехлинейка, а пулемет оказался разбит, и в ленте осталось четыре патрона. Я, конечно, не мародер, но проверить карманы у погибших все-таки нужно. Документов у них никаких не обнаружилось, зато в одном «сидоре» нашлось две банки тушенки и сухари. А еще там был выстиранный комплект обмундирования, я передел гимнастерку и мысленно поблагодарил запасливого красноармейца. Закончив с этим делом, я продолжил осмотр. Пулеметчик лежал как-то неловко, подвернув под себя руку, я медленно перевернул его, тут же отпрянул и застыл. В руке у солдата была зажата «лимонка». Я стоял, как вкопанный, не отводя застывшего взгляда от неподвижной руки. Пробыв так некоторое время в этом состоянии и, увидев, что ничего не происходит, я присмотрелся к гранате. Чека была на месте, но ноги у меня сразу ослабли, и я опустился на землю. Потом решил, что задерживаться, здесь не стоит. У второго бойца взял котелок и фляжку, отомкнул от винтовки трехгранный штык и засунул его за голенище сапога. Больше ничего не нашлось, и я уже собирался уходить, но вдруг мой взгляд упал на саперную лопатку, которой они копали себе окопчик, и я понял, что никогда бы себе не простил, если бы сразу ушел отсюда. Вдалеке на шоссе уже слышалось надсадное гудение, нужно было торопиться. Я вытащил тела погибших из окопа, немного углубил его, потом положил обратно тела красноармейцев и закопал. Это были первые похороненные мной люди на этой войне. Я стоял, сняв фуражку и сжав кулаки, и не знал, да что там не знал, не представлял себе, что меня ждет уже в недалеком будущем.

Тем временем рев моторов приближался и, когда первая автомашина показалась из-за поворота, я был уже метрах в пятнадцати от дороги, в густых зарослях ивняка. Ну что же, будем жить! Я отошел еще подальше в лес, нашел подходящее местечко и развел небольшой костерок. Нужно хоть немного перекусить, а иначе можно и ноги протянуть. Хорошо, что спички у меня нашлись, курить-то я бросил почти два месяца назад, а спички все равно таскал с собой. Поел немного тушенки с сухарями, вскипятил котелок воды. Надо было и себя привести в порядок, опасную бритву я всегда носил в планшете, вот она мне и пригодилась. В общем, побрился, помылся и стал мало-мальски похож на человека, немного посидел и опять потопал на восток.

Я шел, а из головы у меня не выходили те два погибших бойца. Они приняли неравный бой, но своей позиции не оставили, не то, что я.

5

Я шел уже третьи сутки, но ничего особенного не происходило. Время от времени я подходил поближе к шоссе, но там нескончаемым потоком двигались на восток вражеские войска. Иногда я слышал впереди звуки артиллерийской канонады, а однажды наблюдал воздушный бой. На двух летевших «мессеров» откуда-то из-за тучи буквально вывалился наш истребитель И-16, его еще называли «ишак», или ласково – «ишачок». Не открывая огня, он таранил ведомого, раздался взрыв, и обломки обоих самолетов рухнули на землю. Вероятно, у летчика закончились боеприпасы, и он решил таким образом остановить врага. Я присел на вывороченное из земли дерево и задумался. Вот ведь – люди воюют, как могут, любыми способами бьют и уничтожают злейшего врага, а я бегаю по лесу, как заяц! Нет, надо что-то делать, а то я себя совсем уважать перестану. В конце концов, у меня есть пистолет и граната! Сначала у меня еще была надежда встретить нашу наступающую армию, но надежда эта таяла с каждым днем и уже почти исчезла. В общем, решил я немного повоевать, но для начала надо найти подходящее для войны местечко на большаке.

Я снова подошел поближе к дороге и почти сразу же определился. Это были два крутых поворота, между ними метров пятьдесят, а по обочинам рос густой ельник. То, что надо! Теперь нужно выбрать позиции для нападения, хотя бы две-три, ведь помирать я пока не собирался. Надо действовать правильно – врага бить, а самому оставаться невредимым, от меня живого пользы больше, чем от меня мертвого. Позиции я выбрал более-менее подходящие, теперь нужно обеспечить безопасный и быстрый отход, с чем я, в конце концов, справился. Место для своей лежки я определил примерно километрах в полутора от позиций. Подкопал немного склон оврага под нависшим над ним корнем толстой ели, получилась приличная берлога. Еще хорошо то, что по дну оврага протекал небольшой ручеек. Потом я обследовал местность вокруг моей, так называемой базы, чтобы иметь хоть малейшее представление о том, куда можно уйти в случае чего. Начало темнеть, я немного поужинал и лег отдыхать, готовясь к завтрашнему дню.

6

Проснулся я от холода. Вот черт, я и не подумал, надо было больше еловых лапок наломать, да постельку толще сделать. Да ладно, это можно сделать и сегодня, если, конечно, моя охота пройдет успешно. А может итак случиться, что не придется мне больше тут пожить. Как карта ляжет или везение мое солдатское. Я вскипятил воду, заварил малиновыми листьями и запил всем этим последний сухарь. Еще раз осмотрел пистолет и пошел на войну. Когда я вышел к большаку, там было еще темновато, можно и в лагере было побыть, но ничего и тут посижу, вдруг какой-нибудь шальной фриц и появится. Но ничего не происходило, и, хотя нервы у меня были на пределе, я даже задремал и пробыл в этом состоянии примерно около часа. Вот тут-то я и услышал далекий звук мотора, он быстро приближался, но я не мог точно определить, что это такое. Колонна грузовиков меня не устраивала – это точно. С моим вооружением мне надо что-нибудь одиночное – либо мотоцикл, либо легковушка. Но на этот раз из-за поворота показалось рыло грузовика, за ним еще один и еще. Вот так, это дело мне не по зубам, будем ждать. Я перевернулся на спину и стал смотреть в небо, там безмятежно кружила пара аистов, но потом и она исчезла. Снова послышался звук, и это был треск мотоцикла, я сначала обрадовался, но звук был какой-то странный. Точно, вслед за мотоциклом шла колонна танков, я насчитал девять штук. Вот, авангард пустили впереди, значит, опасаются кого-то, сволочи! Я, было, обрадовался, но ненадолго, ведь результата никакого. Вернее, есть результат – круглый ноль. Прошли еще две: колонна артиллерийская – на автомобильной тяге, и с пехотой. Ближе к вечеру движение вообще прекратилось, и мне пришлось возвращаться в свой лагерь несолоно, как говорится... Настроение хуже некуда, тот же самый ноль. Похлебал кипяточка и улегся, но заснуть не удавалось, я ворочался с боку на бок и думал, думал, думал. Надо что-то предпринимать, нужно менять тактику и, в конце концов, я кое-что придумал, с тем и заснул.

Проснулся еще затемно, и настроение у меня было куда бодрее, чем накануне вечером. Подождал еще немножко и пошел снова на свою охоту. Да, я больше не чувствовал себя загнанной дичью, я – охотник, и это мне больше по душе! Я вспомнил, что перед моим поворотом, в сторону запада, дорога была прямая, как стрела. Завернул за поворот, да – дорога-то ровная, но видимость не ахти какая. Я осмотрелся и увидел подходящее дерево – это довольно густая ель, да и суки у нее росли, чуть ли не от земли. Залез я на нее, обломал несколько сучков, и видимость стала до самого горизонта. Вот и отлично! Большим камнем заточил грани штыка. Затем я обрубил им несколько толстых суков со стороны леса, и у меня появилась отличная лестница. Теперь нужно потренироваться, чтобы как можно быстрее оказаться на своей позиции. Я проделал это несколько раз и остался доволен, ведь на кону стояла моя жизнь. Затем забрался на свою вышку и прикипел взглядом к горизонту, но в течение часа никто так и не появился. Вскоре прошла колонна автомашин, а затем опять ничего. Наконец, на горизонте появилась одиночная точка, я, немного, подождал, чтобы в этом убедиться окончательно. Все точно – одиночка. Это шанс! Я моментально слетел с дерева и помчался к своей позиции. Благодаря тренировкам я имел приличную фору, даже пришлось дожидаться свою добычу. Наконец, она появилась из-за поворота. Я сжал в руках гранату и приготовился к броску. Но неожиданно легковушка стала сбрасывать скорость и остановилась прямо напротив меня. Видимо, что-то случилось там у них, и я решил выждать. Внезапно открылась задняя дверка, из нее резко выскочил маленький пузатый офицер и быстро побежал прямо в мою сторону. Он не добежал до меня метра три, резво спустил штаны, присел и начал кряхтеть. Вот это номер! Я подкрался к нему, зажал рот рукой и резанул штыком по горлу. Все нормально – минус один! Я осторожно опустил обмякшее тело на землю, теперь пришла очередь шофера. В машине он оставался совершенно один, я отлично видел только двоих, так что почти не рисковал. Тем более что полковник, а это оказался именно полковник, забежал в кусты, и водитель его не

видел с дороги. Я медленно подобрался поближе и бросил камушком по машине, шофер высунул голову и стал крутить ею из стороны в сторону. Он открыл рот, наверное, чтобы окликнуть своего шефа, и в это время я выстрелил точнехонько в этот самый рот. Теперь нужно было поспешать, я подбежал к машине, перекинул тело убитого на соседнее сиденье, прыгнул за руль и рванул вперед. Благо мотор он не глушил, надеясь, что полковник быстренько справится, но видно – не судьба. А метров через сорок был незаметный поворот в лес, вот туда я и направился. Загнав машину в чащу, чтобы ее не было видно с большака, я рванул к остывающему полковнику, быстро обшарил карманы, достал документы, пистолет, курительную трубку и зажигалку. Нашелся и бумажник, битком набитый ихними марками, его я тоже прихватил. Точнее сказать – прибрал к рукам. Еще раз внимательно осмотрел тело, засунул фуражку ему под мундир и подхватил за ноги. И в этот момент послышался гул моторов на шоссе, я присел и стал наблюдать за дорогой. Колонна танков благополучно прокатила мимо. Снова взявшись за ноги бывшего полковника, я обратил внимание на его сапоги, хорошие, конечно, сапоги. Но мне они маловаты, придется оставить полковнику, пусть донашивает, ха-ха! Я сбежал к машине, нашел лопатку и взялся копать полковнику ямку, что бы он не сильно в глаза бросался кому ни попадя. Захотел нашей землицы? Вот теперь и лежи, хватай полным ртом, оккупант обосранный. Я столкнул его в яму, закидал землей и сверху потрусил почерневшими прошлогодними листьями. Порядок, теперь к машине, там должна оказаться какая-нибудь добыча. Я подбежал к легковушке и рухнул на землю, нужно отдышаться и отдохнуть, а то с самого утра я уже прилично потрудился, к тому же хотелось, есть и, тем более пить. Но все, же я отогнал машину подальше в лес и только тогда стал проводить ревизию. В общем-то, улов оказался неплохой, самое главное, конечно, автомат и провизия в багажнике. Запасливым был этот бывший полковник, любил пожрать, свинячье рыло. Но теперь-то пусть отдохнет, наелся уже, хватит. Различные консервы, галеты, еще что-то в коробках, я не стал их открывать пока, но одна из них меня заинтересовала – железная, небольшая, аккуратные защелки. Я осторожно открыл ее, внутри оказался табак, хороший такой, ароматный, голландский, наверное. Мне-то он уже ни к чему, но выбрасывать жалко, может и пригодится к чему, мало ли в жизни бывает.

Ну вот, разложился я на заднем сиденье. Скажем, как на хорошем базаре, и начал есть. Но, конечно, есть – это тихо сказано, я начал жрать, как поросенок, и запивал всю эту вкуснятину коньяком, бутылка которого тоже оказалась в полковничьих запасах. После еды захотелось отдохнуть, но нужно убираться отсюда как можно быстрее. Я вытащил тело убитого шофера из машины и тут же прикопал его, а документы, конечно же, забрал. Ведь надо будет доказать своим, что я не просто так болтался в германском тылу и не сидел под чьей-нибудь юбкой. А то, что встреча с родной армией когда-нибудь состоится, я ни секунды не сомневался. Да, кстати, о секундах! Я посмотрел на свою левую руку, там были отличные полковничьи часы, свои разбитые я давно уже выбросил.

Теперь нужно перетаскать все конфискованное в свою берлогу. На это у меня ушло часа три, я прихватил даже трофейные шинели, на дворе хоть и лето, а ночью все равно прохладно в лесу, вот они мне и пригодятся в качестве одеяла и матраса. И табак мне тоже пригодился – когда я делал от машины последний рейс, то посыпал им следы своего отхода. Так, на всякий случай, чтобы пронесло. А то вдруг явятся сюда с собаками, будут искать этого полкаша. Хотя весь лес им все равно не прочесать, они же не знают, где он пропал? Так что это больше для своего самоуспокоения. Вернувшись в «лагерь» я немножко отдохнул, а потом стал оценивать свой арсенал. Итак, два пистолета – мой «Токарев» и «парабеллум» полковника, шоферский автомат и два запасных магазина к нему. И три гранаты – наша «лимонка» и две немецкие «толкушки», которые я нашел под водительским сиденьем. Ну вот, пока и все, надо отдыхать. Я залез в свою берлогу и провалился в глубокий сон, даже коньяку хлебнуть не успел.

7

Проснулся я довольно поздно, в семь часов, и еще долго лежал, прокручивая в уме события вчерашнего дня. Наверное, у немцев в каком-нибудь штабе переполох уже поднялся, как-никак старший офицер исчез. Из одной точки убыл, а в другую так и не прибыл. Интересно, будут они его искать или нет? Это в зависимости от того, какую должность занимал этот полковник, и еще – какое расстояние между этими двумя точками, и где эти точки? Этого определить я не мог, у меня же не было топографической карты. И тут меня словно током ударило! Портфель! Конечно же, в машине был портфель полковника, я хотел его забрать, да упустил из вида, всего-то ведь не упомнишь. А в портфеле карта, наверняка, должна присутствовать. И я рванул к машине, не забыв, однако, прихватить коробку с табаком. В машине я забрал портфель и хотел уже уходить, но тут мой взгляд упал на «бардачок» и я заглянул в него. Там, среди всякой ерунды, я обнаружил финский нож. Удача! Им пользоваться гораздо удобнее, чем трехгранным штыком. И как я вчера не догадался сюда заглянуть, да, впрочем, не до того было. А теперь у меня полный набор, мин только не хватает. Но мне они сейчас и не нужны.

Я снова подобрался к большаку и стал наблюдать за обстановкой. Ничего такого необычного не происходило, прошло несколько колонн техники, но подозрительной активности не наблюдалось. Я решил вернуться в «лагерь», чтобы в спокойной обстановке рассмотреть содержимое портфеля, он был довольно пухлый и тяжелый. Придя на «базу» я стал немедленно потрошить этот саквояж и карту обнаружил сразу, она лежала в отдельном кармашке. Я сразу же принялся за изучение карты и, спустя некоторое время, наконец-то, обнаружил свое местоположение. Находился я примерно посередине между двумя крупными населенными пунктами, а между ними было километров двадцать. Карты-то у немцев добротные, указаны и лесные дорожки, и даже та, на которой я бросил легковушку. По такой карте меня вычислят моментально, и шансов у меня, как у кролика перед удавом. Это означает только одно – нужно сматываться, чем быстрее, тем лучше. А уходить я решил все же с шумом, но это попозже, а сейчас нужно заняться сборами.

Портфель был битком набит какими-то служебными инструкциями. Для меня они особой ценности как-то не представляли, так что я затолкал весь этот хлам обратно и отставил портфель в сторону. Затем занялся укладкой вещмешка, на это у меня ушло минут сорок. А вот шинельку-то полковничью придется оставить, тащить такой груз не очень-то и хочется, хотя она добротная и тепленькая к тому же. Но я придумал, как с ней быть – перед входом в берлогу я сделал самодельную вешалку и повесил на нее шинель, а вместо головы приделал портфель. Занятно получилось – настоящий полковник! Бросив прощальный взгляд на свою берлогу, я направился к большаку – надо пошуметь на прощание!

8

Подкравшись к дороге, я прислушался и уловил звук мотоциклетного движка, однако, на этот раз он доносился с востока. Вскоре мимо меня на небольшой скорости проехали два мотоцикла с колясками, явно что-то высматривая по сторонам. Я сразу же сообразил в чем тут дело – они искали исчезнувшего полковника. Пропустив их, я перемахнул через дорогу, потому что когда они обнаружат брошенную легковушку, то и гонять меня будут по той же стороне большака. Поэтому я припрятал свой вещмешок под выворотком и перескочил обратно, забрался на свой лабаз, приготовил две «толкушки» и стал ждать. Вскоре показался грузовик и ехал он так же медленно, как и мотоциклисты, но это было мне только на руку. Когда автомашина поравнялась со мной, я бросил гранату прямо на тент и быстрее молнии слетел вниз, под прикрытия своей толстой елки. Иначе бы меня сняло оттуда, как грушу. Раздался взрыв, машину развернуло и положило набок поперек асфальта. Сразу же я бросил и вторую гранату прямо в кузов и после взрыва буквально перелетел через дорогу, схватил свой «сидор» и помчался в сторону от большака, ни на что, не обращая внимания. По лицу текла кровь, но я не чувствовал этого, продолжал бежать, и только когда выдохся почти полностью, пришлось рухнуть на землю. Да, немцы быстро среагировали, прошло меньше суток. Скоро они найдут и машину, и полковника своего, но я думаю, что долго ловить они меня не будут, это все-таки лес, а не чистое поле. Здесь я могу еще потрепыхаться и неизвестно, кому повезет. Я перевел дух, открыл планшетку и достал карту. Чтобы себя обезопасить, мне нужно найти какую-нибудь речушку или, на худой конец, ручей. И я обнаружил таковой примерно в двух километрах южнее. Потом прислушался, но шума никакого слышно пока не было – ни стрельбы, ни лая собачьего, ничего. Это хорошо! Я отдохнул еще немного и пошел быстрым шагом в сторону ручья, минут через двадцать я на него и наткнулся. Снова постоял, прислушался – вроде тихо. Я зашел в воду и прошел немного на восток, потом развернулся и пошлепал в обратную сторону. Судя по карте, не очень далеко находилась небольшая железнодорожная станция, а, не доходя до нее, находилось озеро, из которого вытекал ручей, по которому я шел, но двигался медленно, постоянно останавливаясь и прислушиваясь, но погони слышно не было. Вскоре я выбрался на берег и пошел дальше, подыскивая подходящее местечко, нужно было хоть немного ополоснуться, да и одежду простирнуть не мешало. Наконец, нашелся небольшой пляж, со всех сторон окруженный густыми кустами. Я разделся и вошел в воду, она была теплой и приятной, и я с удовольствием бултыхался, но, когда в очередной раз вынырнул, то боковым зрением заметил что-то не очень для себя приятное. И точно, на берегу стояли два немца, направив на меня автоматы, а один из них подманивал меня согнутым пальцем. Все это происходило в полнейшей тишине. А я, буквально, впал в ступор и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Но все-таки заметил, что за спиной одного из них была катушка с телефонным проводом. Видимо, связисты, шли по линии и на меня напоролись, а я тут, как тут, голенький и мокренький, и бери меня голыми руками. И от всего этого я очень сильно разозлился и вспомнил, что финку свою я засунул в сапог. Ну вот, мы еще потанцуем, мать вашу! Я поднял руки и медленно побрел к берегу, подошел к кучке своей одежды и остановился. Один из немцев показал мне жестами, что можно одеться. Я сокрушенно стал натягивать форму, огорчаясь, что не удалось ее постирать, а когда взялся за сапоги, то левой рукой зачерпнул пригоршню песка, а правой взял финку. Быстрым движением бросил песок в лицо одного, а финку метнул в другого. Нож попал немцу прямо в левый глаз, а пока второй протирал свои очи, я подпрыгнул, схватил финку и перерезал ему горло. Ну вот, опять делов натворил, только-только ушел от погони, а ведь этих тоже будут искать, как пить дать. Снова беги, Витя! И чем быстрее ты покинешь это место, тем дольше проживешь! Но все-таки немцев этих я обыскал – забрал документы, еду кое-какую, магазины к автоматам, две гранаты, а сами автоматы и катушку

с проводом забросил в озеро. Потом затащил тела убитых подальше в заросли, заметил телефонный провод, вы резал из него кусок метров в двадцать и забрал с собой. Пришлось снова забираться в воду и топать километра два вдоль берега. Этого мне показалось достаточным, я выбрался на сушу, нашел удобное место и присел. Нервы были явно на пределе и мне необходимо успокоиться. Я вспомнил, что у меня остался полковничий коньяк, достал его и выхлебал из горла, немного закусил и прикрыл глаза. Итак, что мы имеем? А имеем мы доморощенного диверсанта, который бежит от немцев в пределах одного квадрата и которого, возможно, скоро и накроют. А еще мы имеем полную неопределенность о том, что происходит в стране. В общем, вопросов больше, чем ответов и надо думать о том, что делать дальше. И вот тут я отключился.

9

Проснулся, стуча зубами от холода. Надо же, как меня вчера вырубил, это все коньяк и нервы, но все равно в голове прояснилось, не то, что вчера, когда были все признаки надвигающейся паники. А вот сегодня стало гораздо лучше, и я обрел способность думать спокойно. Чтобы разогнать беспощадных кровососов я разжег небольшой дымный костерок и достал карту, но сначала крепко задумался. Значит так, что бы прояснить ситуацию мне нужно встретиться с людьми, а то совсем в дикаря можно превратиться. А, судя по карте, с этой стороны озера была махровая глухомань, ни одной деревни. Станция находилась подальше.

Но чтобы встречаться с людьми надо и самому выглядеть человеком. Поэтому решил я устроить себе воскресенье – побрился, постирался и развесил одежду сушиться, искупался несколько раз, в общем, прибодрился, насколько мог. На следующий день наметил визит на станцию, но, явно, неофициальный.

10

Пробудился пораньше, перекусил, еще раз сверился с картой и отправился в путь, на станцию, где я надеялся, что можно будет что-нибудь разузнать. С этой стороны к озеру подходила лишь одна проселочная дорога. Я решил сразу не пересекать ее и немного понаблюдал, но ничего подозрительного не было, и я направился дальше. Прошагал так два часа и присел передохнуть, но тут и стало происходить что-то непредвиденное для меня. Вдали послышался мощный гул, я даже не понял сначала, что это такое, но звук все время приближался и доносился он с востока. Прошло еще немного времени, и на небе стали отчетливо заметны четыре черные точки. Они приближались и увеличивались в размерах – это были самолеты, наши бомбардировщики. Я смотрел на них, не отрывая взгляда. И вот началось! От самолетов стали отделяться черные капли, и сразу же стал слышен грохот разрывов, бомбили железнодорожную станцию. Я решил не упускать такую возможность и рванул туда же, благо до станции было меньше километра. Когда я подбежал к кромке леса, за которой начинались станционные постройки, бомбежка уже подходила к концу, самолеты сделали по последнему заходу и становиться в строй. На земле же царила полная паника, везде черный дым, какой-то смрад и, почему-то, не смолкали взрывы, наверное, летчики все же зацепили эшелон с боеприпасами. И среди всего этого великолепия метались и орали в полный рот «непобедимые» оккупанты. А в небе в это время появились два «мессершмитта», и начался воздушный бой, наши бомбардировщики, огрызаясь огнем, стали уходить домой. Внезапно очередь из «мессера» прошла наш самолет, он сразу же вспыхнул и начал терять высоту. Пилоту удалось развернуть машину, и он направил ее прямо на скопление вражеских эшелонов, самолет стремительно неся к земле, тянул за собой густой черный шлейф дыма, и вот раздался страшный взрыв. Я инстинктивно втянул голову в плечи, потом посмотрел на небо и увидел, что падает еще один сбитый бомбардировщик. Видимо, нашим было очень важно было нанести удар по этой станции, если послали бомбардировщики без сопровождения истребителей, вот и шли они на малой высоте, а зенитки огонь не открывали, потому что это бесполезно. И вот мне пришло в голову, что пока у немцев полный разброд и паника, я тоже могу в этом поучаствовать, то есть внести, так сказать, свою маленькую лепту.

Я перемахнул открытое пространство и заскочил за угол какого-то здания, выглянул из-за угла и увидел, что в мою сторону бежат какие-то два олуха. Одеты они были в гражданскую одежду, но в германских кепках с длинными козырьками, с карабинами, а на рукавах у них наблюдались какие-то повязки. Я понятия не имел, кто они такие, поэтому подпустил их, как можно ближе и срезал одной очередью. Немного выждав, я подбежал к ним и забрал у одного повязку и кепку, карабины тоже прихватил и, вернувшись обратно за угол, с удовольствием размолотил о кирпичную стенку. Потом засунул свою фуражку в мешок, нацепил повязку и кепку, петлицы на гимнастерке у меня были чистые, так что стал похож на полицейя. Причем, вылитого.

А боеприпасы продолжали рваться, везде дым и гарь. Я выскочил из-за своего угла и побежал к вокзалу, у немцев полный кавардак, и на меня никто не обращает внимания. Заметил зенитную установку и рванул к ней, заскочил на площадку и присел, оглядываясь. Невдалеке увидел паровоз, стоявший под парами, ну что же, цель отличная. Я перевел ствол зенитки в горизонтальное положение, прицелился по нему и открыл огонь. Нужно было вывести из строя котел паровоза, и после третьего выстрела мне это удалось, раздался взрыв, и паровоз окутался паром. Ну, вот и все, готов, «шайтан-арба»! Так у нас на заставе один узбек называл все механическое, которое движется по земле, от мотоцикла до паровоза. Жалко его, веселый был, наверное, сразу погиб, вояка из него был никакой, сколько ни учили. А вокруг меня уже зацокали пули, наверное, кто-то из немцев все-таки немного освоился. Я мигом свалился под

зенитную площадку и выглянул из-за колеса. И точно, в мою сторону бежал, отчаянно паля из пистолета и петляя, как заяц, какой-то офицер. За ним, метрах в двадцати, неслись два автоматчика, но они не стреляли, боясь задеть своего. Вот теперь надо как-то выкручиваться! Стрелять я не стал, достал финку и гранату и стал ждать. Офицер тоже перестал палить без толку, наверное, понял, что это бесполезно, а может быть, он подумал, что прикончил русского, но он жестоко ошибся, падла! Когда он нагнулся под площадку, я схватил его за воротник, рывком подтянул к себе и ударил ножом в грудь, автоматчиков я подпустил еще немного и метнул «толкушку», все, урылись гады! У мертвого офицера на груди оказался бинокль в чехле, и мне повезло, что я его не повредил. Он-то мне пригодится, я еще собираюсь повоевать немного, а может быть и больше, это зависит от того, поймает меня солдатское везение или нет? Конечно, удача и осторожность тоже не помешают, да и лишнее геройство ни к чему. Забрал я у этого немчика еще и документы, надо же, какой-то пунктик у меня насчет официальных бумаг, и складываю я их в красивую коробку из-под полковничьего табака, который давно выбросил за ненадобностью. Ну вот, пора и честь знать, нужно сматываться, а заключают меня здесь, как ястребы курицу. Я осторожно выглянул из-за колеса, вроде бы никого на пути, пригнулся и помчался в сторону леса, что есть мочи. Удача и здесь улыбнулась мне, хотя кто-то и постреливал в спину, но безрезультатно. Я заскочил в лес, сразу развернулся и упал, направил автомат в сторону станции и отполз за дерево. Затем достал бинокль и стал наблюдать – да, бардак отличный. Хорошо, что жилые дома немного в стороне от самой станции и, похоже, пострадали они немного. Что же, это уже лучше, хоть своим не сильно перепало. А на путях уже стало спокойнее, наводился порядок, кое-где тушили пожары. Я медленно водил биноклем, и тут прямо передо мной возникла какая-то личность, от неожиданности я даже отпрянул. Вот, касатик, напугал! Я снова взялся за бинокль и вскоре засек еще одну личность, и тоже в германской кепке, отложил бинокль и стал всматриваться, ага, ползут двое. Значит, засекли меня все-таки! Что же, поиграем по-взрослому! Я выпустил по ним очередь, они поняли, что обнаружены и тоже открыли огонь из карабинов. Началась перестрелка, они медленно, но все-таки обкладывали меня, и это было мне, можно сказать, не по душе, пора начинать действовать иначе. Я прочно взял одного на прицел и плавно нажал на спусковой крючок, на лбу у него образовалась аккуратная дырочка, и он уткнулся рылом в землю. Да, хорошая машинка этот полковничий «парабеллум», и я очень ему, то есть полковнику, благодарен. Я снова взял автомат и выпустил очередь по второму клиенту, он мне ответил, а я стрелять не стал, только громко застонал. Мне нужно было, чтобы он принял меня за раненого и немного приоткрылся, так оно и случилось. Противник еще немного пострелял в мою сторону, но я лишь громко стонал, он окликнул напарника, но тот, понятное дело, ничего сказать не мог. Тогда стрелок приподнялся, немного постоял и, пригнувшись, медленно двинулся ко мне. Я чуть-чуть выждал, а когда оставалось всего несколько метров, внезапно выкатился из-за дерева и выстрелил ему в ногу. Трофейный пистолет снова не подвел меня, противник дико заорал и закрутился волчком на месте, а потом рухнул на землю. Я в два прыжка оказался возле него, моментально обезоружил, схватил за шиворот и подтащил к дереву. Теперь он лишь негромко стонал, зажимая руками рану на бедре, и изумленно пялился на меня. Конечно, я ведь был почти полная его копия. Чертыхнувшись, я стянул с себя все эти фашистские причиндалы и надел свою, пограничную, фуражку. Чтобы знал, говнюк, с кем дело имеет. Но, похоже, переборщил! Этот вояка мелко-мелко задрожал и стал икать, продолжалось это довольно долго, пока я не залепил ему пощечину, он немного успокоился, и между нами состоялся такой разговор:

– Ты кто?

– Франц Козлевич.

– Вот-вот, именно. Я не спрашиваю, как тебя зовут, я спрашиваю – кто ты?

– Полицай, пан офицер.

– Что за должность такая? Давай рассказывай. Я и так понял, что вы у немцев в услужении, но хотелось бы поподробнее.

– Да мы ничего такого не делаем. Следим за порядком, патрулируем улицы, выявляем неблагонадежных.

Его голос слышался все слабее и слабее, он заметно побледнел. Вот черт, видно, перебил я ему бедренную артерию, вот он кровь и теряет. Но мне было все равно, и я задал ему главный вопрос:

– Где наши?

– Я точно не ведаю, где-то под Смо...

Он не договорил, и голова его упала на бок. Вот и все, этот свое оттоптал на белом свете.

Я присел и задумался – да, далековато немцы уже забежали, и тяжеловато будет их оттуда ковырнуть. Но я и подумать не мог, что будет еще намного хуже, что произойдет почти что катастрофа.

А сейчас я сидел в белорусском лесу и думал о том, что делать дальше. А дальше надо двигать к нашим, вот, что дальше! Я собрал карабины полицаев и разбил их об деревья, а еще приобрел я пару гранат, почему-то они по мне не сработали. Живым, наверное, хотели взять, сволочи! Но у них получился дикий облом или, как говорится, голый вассер. Это по-немецки. Я отошел подальше в лес и устроился на ночевку.

11

Сон приснился какой-то нехороший, я открыл глаза и сон сразу же забылся, но нехорошее ощущение все же на душе осталось. Даже не ощущение, а, можно сказать, предчувствие, что я увижу сегодня что-то страшное.

Я быстро сверился с картой, собрал вещички и подался на восток, стараясь держаться железной дороги. Прошагав так некоторое время, я увидел впереди просвет и мельканье чего-то белого, сразу же прильнул к земле и прислушался. Слева от меня угадывалось какое-то движение, да и на самой поляне что-то происходило, я застыл и не двигался. Надо же! Такое ощущение, что я нахожусь не в дремучем лесу, а на оживленном городском перекрестке. Раздалось шелканье затворов и громкое: «Хальт!», а на это со стороны поляны зазвучали пистолетные выстрелы, в ответ загрохотали автоматы. И тут я понял, что здесь происходит – на поляне наш летчик, выбросившийся с подбитого самолета, а автоматчики – это облава. И вот впервые за многие дни я почувствовал локоть товарища! Я обошел автоматчиков сзади, подобрался к ним поближе и сосчитал. Их было пять штук, вот черт, придется повозиться немного. Между тем, автоматчики, поливая огнем поляну, продвигались вперед. И делали они это достаточно нагло, уверенные в своем превосходстве, и о тыле совсем не беспокоились. Для начала я снял одиночными выстрелами двух крайних, а остальные, увлеченные боем, даже не заметили этого. Потом я увидел, как еще один фашист уткнулся носом в землю. Молодец, летун! Хотя я не был до конца уверен, что он там один, и мне хотелось, чтобы их оказалось больше. Тем временем бой продолжался, и пора было его заканчивать. Из-за трескотни автоматов мне плохо было слышно, но, по-моему, выстрелы со стороны поляны прекратились. Тем более что немцы как-то уверенно вышли на открытое место. Я выждал немного и положил их навсегда одной длинной очередью, потом опрометью кинулся к летчику, но он был уже мертв. Его буквально изрешетило пулями, и к тому же правая нога у него была неестественно вывернута, и сквозь разорванную штанину наружу торчала белая кость. Я поднял голову и увидел зацепившийся за толстый сук ясеня парашют. Вероятно, летчик обрезал стропы, и хотя было не очень высоко, метра три с половиной – четыре, все же приземлился неудачно. Я осмотрел пилота, выжить шансов у него не было никаких, даже если бы его не обнаружили немцы. Это был молодой человек, чуть больше двадцати, и вероятнее всего, штурман, потому что в планшетке у него оказалась полетная карта. Я взял его пистолет, обойма которого была пуста – бился пилот до последнего. Могилу я ему выкопал под этим самым ясенем, где он и погиб. Потом умудрился, все-таки, сдернуть парашют с дерева и отрезал небольшой кусок, завернул тело в парашютный шелк и похоронил. На стволе дерева кое-как сделал затеску при помощи саперной лопатки и ножа, на которой химическим карандашом написал – «Русский летчик» и поставил дату – «июнь 1941». Поднял руку вверх и шелкнул пустым затвором его пистолета.

Затем обшарил убитых немцев и обнаружил у одного из них фляжку со шнапсом, помянул летчика, а немцев трогать не стал, пусть валяются, только собрал у них оружие и боеприпасы, завернул в остатки парашюта и прикопал напротив могилы пилота, с другой стороны дерева. Потом постоял еще у могилки, попрощался с геройски погибшим и подался дальше. Тем более, уже начало темнеть, и надо было где-то ночевать.

12

Шагал я уже третьи сутки после того, как ушел от могилы летчика, по-прежнему придерживаясь железной дороги. Ничего такого особенного со мной не происходило, только однажды зайца подстрелил, да косулю вспугнул. Так что с провизией у меня особого напряжения не было. И следов войны тут никаких, видно, немцы здесь проскочили ходом, не встречая особого сопротивления. Да, а еще на вторые сутки моего пути, по железной дороге начали идти эшелоны на восток, наверное, немцы все же восстановили движение через разбомбленную станцию. У меня, конечно, руки чесались устроить немцам какую-нибудь гадость на дороге, но возможности такой пока не представлялось. Так я и топал порожняком, в смысле, не нанося никакого урона немецко-фашистским захватчикам.

Однажды, пробираясь по густому подлеску, я услышал какие-то звуки. Застыл, как статуя – да, это был или громкий шепот, или тихий разговор. Я осторожно опустился на землю и медленно подполз поближе, надеясь разобраться, что к чему. Что тут за базар открылся посреди леса? Сначала я еще опасался, что могут быть выставлены посты, но ничего такого не было и в помине. И я подкрался спорящим почти вплотную, мне было их отлично видно и слышно. Как я и предполагал, это оказались наши окруженцы, числом шесть человек. Крепко спорили только двое, остальные тихо переругивались, только непонятно, кто с кем. А, между тем, спорящие все громче и громче повышали голоса. Разговаривали пехотный сержант с перебинтованной головой и артиллерийский старшина, и спор у них поднялся нешуточный:

- Ты чего, старшина? С ума, что ли, съехал?
- А ты что предлагаешь?
- А я предлагаю остановиться где-нибудь и начать воевать здесь!
- С чем воевать? С одной винтовкой и пистолетом – это война?
- Ну и что! Добывать будем в бою! Я их готов голыми руками душить!
- Много ты добыл, что было, и то потерял!

В общем, продолжалось это все довольно долго и все в одном духе, надоело это мне хуже горькой редьки. Да, с этими ребятами, похоже, каши не сварить, но все же я решил помочь им. Тихонько свистнул, они, как по команде, повернулись в мою сторону, а рука старшины потянулась к висевшей на ремне кобуре. Я негромко окликнул:

- Не бойсь, свои.

В ответ:

- Какие такие свои?
- Да русские, мать вашу! Что, слышишь не вволю?
- Давай выползай, но смотри, если что, кончим сразу.
- Кончалка у тебя еще не выросла, старшина!
- Ладно, выходи. Хорош трепаться!

Я медленно поднялся и спокойно вышел, держа руки в карманах. Старшина некоторое время смотрел на меня, а потом процедил сквозь зубы:

- Ну и? Фуражка-то я вижу погранцовая. А на самом деле, из каких будешь?
- Из них и буду, из пограничников, воюю вот помаленьку.

И я немного шевельнул плечом, на котором висел автомат. А старшина:

- Брось заливать!!!

Он посмотрел в сторону пехотного сержанта, с которым спорил совсем недавно чуть ли не до драки:

- Смотри, сержант, еще один вояка выискался, бежит, наверное, от самой границы, только рубашонка пузырем!

Я ничего ему не сказал, спокойно снял вещмешок с плеча, порылся в нем и достал полковничью коробку из-под табака. Открыл ее и сказал:

– Вот, смотри.

Старшина смотрел на кучку документов и ничего не понимал:

– Ну, и что это значит?

– А это значит, старшина, что только эта куча бумаг и осталась от людишек, которые мне встретились, пока я мчался от границы.

Я уже начинал злиться, а старшина этот недоделанный все равно гнул свое:

– Смотри, какой аккуратный и запасливый. Ты что? Думаешь, если выйдем, тебе поможет эта макулатура?

Вот есть же такие дубовые люди, которых ничем не возьмешь. Упрутся на своем, как бараны, и все тут! И этот такой же, и как он только до старшины дослужился? Я не хотел больше с ним ни о чем спорить, но все же сказал:

– А ты, я вижу простой, как пареная репа.

С этими словами я еще порылся в своем «сидоре» и достал оттуда две гранаты – «тол-кушки». У всех буквально вытянулись лица, но я их успокоил:

– Все в порядке, мужики! Это вам на разживу, как разбогатеете, отдадите должок. Если увидимся, конечно, когда-нибудь. А если нет, то прощаю.

Я улыбнулся и протянул гранаты сержанту:

– Бери! Тебе точно пригодятся, и не унывайте, немца бить можно и нужно. И в хвост и в гриву, да и по зубам не помешает. Ну ладно, на этом разбегаемся, мне туда!

И я махнул рукой на восток. Бойцы встали со своих мест, и подошли ко мне, даже старшина смотрел не так угрюмо. А сержант посмотрел на меня уже осмысленными глазами:

– Может, вместе, а?

– Нет, ребята. Не обессудьте, но привык один, и отвечать буду только за себя. Счастливо оставаться!

С этими словами я пожал им руки, отдал честь и пошел прочь. Но вдруг кое-что вспомнил, остановился и достал из мешка полицейскую кепку:

– Вот таких деятелей встречали?

– Нет, мы ведь из леса еще и носа не показывали.

– Если повстречаете, то пощады никакой, сволота это!

Я скрипнул зубами и ушел, больше ничего не говоря. Взрослые уже мальчишки, должны сами разобраться, что к чему.

13

И снова я шел на восток и думал о том, что когда-нибудь развернусь на сто восемьдесят градусов и пошагаю в обратную сторону. И не ведал я, что это так и будет, однако будет много-много раз.

Немцев в лесу я больше не встречал, кроме случая с летчиком. Но это был для них особый случай, а без нужды они в чащу не лезли. Поэтому я расслабился и вел себя довольно беспечно. Однажды, во время дневного отдыха, я как-то незаметно задремал. А проснулся от того, что кто-то тяжело дышал у меня над ухом, спросонья я ничего толком не понял, но рука моя уже лежала на автомате. Я медленно скосил глаза в сторону и увидел... мирно жующую корову. Вот это номер! А ведь так можно заснуть и не проснуться, но это в лучшем случае, а в худшем мог бы и в плену оказаться, как кур в щях. Я смотрел на корову, и она глядела на меня своими большими влажными глазами, а ведь и позабыть уже успел, что есть на свете и другая жизнь. На шее у коровы привязана веревочка, но колокольчика не было, вот она и подобралась ко мне бесшумно. Но это не оправдывает меня, ни в каком случае. Вдруг невдалеке послышался чей-то тоненький голосок: «Майка, Майка!». Я насторожился, напряглась и корова, повернув голову набок и прядя ушами. Опасности я не почувствовал, поэтому просто так сидел возле коровы и не двигался, чтобы не испугать ребенка, а в том, что корову искал ребенок я не сомневался. Наконец, я увидел его, это был белобрысый мальчик, лет восьми, он меня тоже заметил и остановился, нерешительно переступая с ноги на ногу. Мальчик подозрительно смотрел на меня, а глаза его выглядели взрослыми на детском личике:

– Дяденька! Это наша корова, не забирай ее, а то нам есть будет нечего.

Он беспомощно смотрел на меня, а из глаз у него готовы были выкатиться слезы. Я не выдержал:

– Мальчик, да ты не бойся! Свой я, и корова ваша мне не нужна.

Он перестал шмыгать носом и вытер глаза рукавом грязной рубашонки:

– Правда? А ты кто?

– Солдат я, меня зовут дядя Витя, а тебя как?

– А меня Васькой, а еще у меня брат есть старший – Ванька.

– Ну, вот и познакомились, а теперь рассказывай, почему ты здесь и как, вообще, дела?

– Дядь Вить, может быть, пойдем к нам, там тебе все и расскажут, там мамка и тетя Лена.

– Ну, хорошо, веди.

Васька перекинул хворостину в другую руку и крикнул:

– Майка, домой!

Корова послушно развернулась и медленно пошла впереди нас, помахивая хвостом и мотая головой, таким способом она отгоняла кровососную братию, которой здесь было предостаточно. Некоторое время мы молчали, а потом я спросил:

– Слушай, Вась, а корова-то не убежит?

– Да ну! Ее доить уже пора, она и сама бы пришла, но только попозже.

– Хорошо, а скоро мы придем?

– Да, вот уже подходим.

И, действительно, в скором времени мы вышли на поляну в лесу, на которой стояло несколько шалашей, хотя шалашами назвать эти «сооружения» было трудновато. Навстречу нам выбежала женщина лет тридцати и закричала:

– Васька, паразит, где пропал? Корову уже пора доить давно!

– Мам, она колокольчик потеряла и забрела подальше, вот пришлось искать.

– Не ври...

И тут она заметила меня и осеклась. Застыла, напряженно глядя на меня, потом перевела взгляд на сына:

– Васька, кто это?

– Мам, не бойся, это наш, советский!

Он, почему-то, с удовольствием произнес это слово «советский», хотя пришло оно в эти края совсем недавно. Что же, пацан есть пацан, ему нравится. Из других шалашей вышло остальное население лагеря – две женщины, помладше и постарше, и две маленькие девочки, очевидно, близняшки. Не было видно только Ваньки, старшего Васькиного брата. Но, вот и он объявился, я услышал хруст за спиной, повернулся и увидел подростка. Он стоял почти рядом и замахивался на меня каким-то колом, но увидел звездочку на фуражке и выпустил палку из рук. Вот это и был Ванька. Я улыбнулся и потрепал его по вихрастой голове:

– Молодец, не даешь мамку в обиду!

Но он только нахмурился и ничего не ответил, а Васька взял меня за руку и потащил ближе к народу. Я приблизился к людям и представился:

– Лейтенант Герасимов, можно Виктор.

После некоторого замешательства ко мне подошла мать мальчишек:

– А меня зовут Ольга.

Потом она представила остальных – это была ее подруга Лена и две ее девчонки, Люда и Люба, а также ее мать Мария.

14

Я подошел к шалашам и присел на тоненький чурбак:

– Ну, что же, Ольга, рассказывайте. Что случилось, почему вы здесь, где ваши мужики? В общем все.

– Да говорить-то особо и нечего. Мужиков наших немцы куда-то забрали, говорили, что на какие-то работы.

– На какие такие работы?

– Не знаю, но только ничего о них не слышно.

– И много мужиков забрали?

– Да всех, кто помладше, человек двадцать. Остались в деревне из мужиков только пацаны да деды. А еще два полица, вот из-за них мы здесь и обретаемся.

– А в чем дело?

– Это два брата – Осип и Архип. Один-то, Осип, еще ничего. Женатый он, жена хорошая, двое ребятишек. А Архип этот в прошлом году только из тюрьмы пришел, тихий был сначала. А как немцы пришли, так и стал лютовать. Плетку все время носит, кого встретит – сразу бьет, ни за что. Озлобился в тюрьме, а теперь на односельчанах все срывает.

Ольга замолчала, я тоже. Но потом спросил:

– А дальше что?

– Потом нам с Ленкой проходу не стал давать. Обнимается, лапает везде. Говорит, что если не покоримся мы ему, то он и нас, и ребятишек наших изведет. А еще и брата своего на нас натравливает.

– Ага, Ольга, послушайте, а немцы есть в деревне?

– Нет, деревня наша маленькая. Вот эти два полица только и есть из новой власти. А немцы приезжают иногда, живность всякую отбирают, но людей пока не трогают. А сволочь эта, Архип, хуже немцев.

– Скажите, Ольга, а гарнизон немецкий далеко от вас?

– Километров десять. Там станция небольшая и немцев не очень много, но еще и полицаи есть.

Но тут промычала корова, и Ольга сразу вскинулась:

– Ой, что это я сию-рассиживаю, Майку надо же доить! Вот я сейчас вас молочком парным угощу. Давненько, наверное, не пробовали?

Она взяла подойник и пошла к корове, которую Васька привязал к вбитому в землю деревянному колышку. А я решил осмотреться. Обошел полянку кругом, в одном месте к ней подходила едва заметная тропинка, учтем. Потом подошел к шалашам, да, это было только какое-то жалкое подобие жилища. Я позвал Ваську, но его нигде не было, поэтому пришлось обратиться к Ольге, доившей корову:

– Скажите, Ольга, а инструменты есть у вас какие-нибудь?

– Да, конечно! Сначала-то ничего не было, без всего ушли из деревни, а потом уже сыновья сбегали домой, да принесли. Избыто наши пока не трогают, вот и берем то, что надо.

– А зимой как жить будете?

– Уж и не знаю, а возвращаться опасаемся, мало ли что.

– Ну, ничего, что-нибудь придумаем.

Ольга закончила доить корову, процедила молоко и налила мне в кружку:

– Вот, пейте!

Я медленно, растягивая удовольствие, выпил, ведь я тоже в деревне жил, все это мне знакомо, а молоко я очень люблю, особенно парное. Потом вытер губы и протянул кружку:

– Спасибо большое, очень вкусно!

Ольга засмеялась:

– Да не за что! Пойдемте, я вам инструменты дам.

– Ольга, а может быть, перейдем на «ты», а то мы все выкаем, как будто на балу находимся.

– Хорошо. Вот, бери, что тебе нужно. А что ты делать-то хочешь?

– Да вот, нужно же вам жилье подходящее сообразить!

Она внимательно посмотрела на меня и только вздохнула.

15

Я взял топор, пилу-двухручку и пошел к лесу. Ольга окликнула меня:

– Витя!

– Что?

– Я сейчас Ленке накажу что-нибудь поесть приготовить, а потом приду, помогу тебе. Может, и Ванька с Васькой явятся, а то они куда-то запропастились.

– Хорошо.

В лесу я присмотрел подходящие елки для столбов и принялся за валку. Успел повалить две штуки, и тут пришла Ольга с ребятами. Я присел на пенек и спросил мальчишек:

– Ну, и где вы пропадали?

Ответил Васька, а Ванька все больше молчал, видно, еще не до конца доверял мне:

– Мы в деревню ходили, хотели взять кое-что, там у нас картошка в сарае припрятана. А в деревне немцы оказались, чуть на них не напоролись. Там начальство ихнее приехало, вот и согнали людей в одно место.

– А зачем?

– Да фашист там главный выступал, лаял, как собака. А переводчик по-нашему говорил, про какой-то новый порядок. Но слышно плохо было, мы близко-то не подходили, боязно.

– Ну, хорошо, разберемся, а теперь давайте за работу!

С приходом Ольги и ребят дело пошло значительно быстрее. Мы заготовили столбы, жерди, ивовые прутья, хвойные лапки, и перенесли все это на полянку. Потом перекусили кашей из распаренной ржи с тушенкой, которая у меня еще оставалась. Ленкиных девочек я угостил плиткой трофейного шоколада, а пацанам дал пачку галет, пусть грызут.

Теперь можно было приступать к строительству. Я хотел соорудить два шалаша на две семьи – Ольгину и Ленкину. Конечно, у меня была задумка, как вернуть их в деревню, но вдруг не получится, надо было подстраховаться. Пацанов я послал в лес, чтобы надрали ивового корья для привязки жердей, а сам принялся вкапывать столбы. Работа продвигалась быстро – между столбами привязывали жерди, а промеж них заплетали ивовые прутья. Так же сделали и крышу, на которую накидали еловых лапок. Этих лапок наносили также и вовнутрь – вместо пола, получилось вполне прилично. Со вторым шалашом управились быстрее, опыт уже был. Так что, когда начало темнеть, у нас уже было все готово к ночлегу.

На ужин попили малинового чая с галетами и разошлись по «пещерам». Ольга пригласила меня в свой шалаш, мы улеглись, но заснуть не удавалось. Я подал голос:

– Оля, ты спишь?

– Нет, а что?

– Я хочу попросить, завтра мне нужно будет попасть в деревню, пусть пацаны меня проводят, так быстрее будет. С ними ничего не случится, как только доведут. Я отправлю их обратно сюда.

– Хорошо, но что ты хочешь сделать?

– А хочу я, Оля, вернуть вас в ваши дома, чтобы жили нормально.

– Это хорошо, конечно, если получится.

– Должно получиться.

Мы еще немного поговорили, и как-то незаметно для себя я уснул.

16

Этой ночью я хорошо выспался, а когда продрал глаза, Ольги уже не было. Наверное, корову ушла доить. Я полежал еще немного, потом разбудил пацанов, хотя и жалко их было, рановато для них просыпаться, но надо. Объяснил им ситуацию, и они радостно согласились мне помочь. Для них в лесу, конечно, интересно, но жить лучше в доме.

Мы быстро собрались и пошли, сначала молчали, но потом я решил прояснить обстановку:

– Далеко топать?

– Да нет, верст пять.

– А теперь слушайте сюда! Когда подойдем, укажете мне дома, где живут эти полицаи, а потом сразу же обратно в лес. Я вашей мамке обещал.

– Хорошо, вот только живут они вместе, в одном доме.

– Почему так?

– Так у Архипа этого тоже изба была, только спалил он ее этой весной. Курил пьяный, да заснул. А сам-то живой остался, его брат Осип успел вытащить из огня. Вот, гад, и там ему повезло. Сгорел бы, и дыму не осталось. И живет теперь у Осипа, он ему угол там какой-то отгородил.

– Ну, что же. Это даже лучше!

Так, за разговорами, мы и подошли к деревне. Последние минут десять пробирались осторожно, поглядывая по сторонам. Я оглядел деревню из-за кустов, обзор, конечно, неважный, но осмотреться нужно.

17

– Ну, и где дом ихний?

– Отсюда плохо видно, надо обойти вокруг деревни.

– Ведите!

Мы осторожно стали пробираться по краю и, вскоре, остановились. Васька указал рукой на довольно добротный пятистенки:

– Вот этот.

Хорошо было уже то, что дом находился недалеко от леса, хотя и все дома в деревне располагались так же, потому, что была всего одна улица.

– Ну, все, дуйте к мамке и скажите, что все в порядке. Я приду, когда все устрою.

Когда пацаны скрылись за кустами, я высмотрел недалеко от этого места, где мы стояли, приличный клен. Наблюдать с земли не очень удобно, и нужно было найти другую позицию. Я забрался на дерево, взял бинокль и стал наблюдать – и за деревней, и за двором братьев-полицаяев. Вот черт, я же не спросил, как они выглядят, как мне их различить, братанов этих. Ладно, день велик, определюсь как-нибудь. Я продолжил наблюдение, но деревня будто вымерла, никакого движения. Хотя, может быть, и рановато еще. Ага, вот начали выпускать скотину и подгонять к околице деревни, и из дома полицаяев женщина выгнала корову и небольшое стадо овец, и направила их туда же. Видимо, народ ничего против не имел, чтобы скотина полицаяев находилась в общем стаде, но, с другой стороны людям, и деваться было некуда. Куда ни кинь, всюду клин, лучше уж по-мирному. Вот все собрались, и пастух, какой-то маленький старичок, немного отогнал стадо от деревни и пустил пастись. Благо, выгона вокруг деревни хватало с избытком. А женщина, между тем, возвращалась домой, в бинокль я ее хорошо видел. Это была миловидная особа средних лет, а вот взгляд у нее какой-то виноватый. Заметно было, что она стыдится быть женой полицая. Когда она подошла к своей калитке, из дома вышел мужчина, был он среднего роста, худой и черный, как грач. Он что-то спросил у женщины, но она не ответила ничего, лишь только махнула рукой и вошла в дом. А полицай, а это был именно полицай, судя по повязке и кепке, двинулся к стаду. Такое же барахло лежало у меня в мешке, на всякий случай. Полицай, поправляя сползающую с плеча винтовку, подошел к пастуху и стал его о чем-то расспрашивать, но тот только пожимал плечами и мотал головой. А полицай опять развернулся и пошел по улице на другой конец деревни, постоянно поглядывая по сторонам. Вот, ублюдок, службу исправно несет. Но вот кто это, Осип или Архип? Глядя на его злобную рожу, я все же решил, что это негодяй Архип. Вот с ним-то мне и надо разобраться в первую очередь, остудить его немножко. Между тем, полицай сделал обход и вернулся в дом, наверное, сейчас опохмеляться будет, так как морда лица у него сильно распухшая, как будто он вчера в улей с пчелами лазил. Я еще понаблюдав немного и дождался второго, это и был Осип. Полная противоположность брату, он был белобрысым и плотным мужичком, с небольшим брюшком. Мужик огляделся по сторонам, почему-то тяжело вздохнул и вошел в дом. А я снова принялся осматривать деревню и, от нечего делать, сосчитал дворы – ровным числом двадцать восемь.

От неудобного сидения у меня затекли ноги, я спустился с дерева и углубился в лес метров на триста, чтобы спокойно обдумать свои дальнейшие действия. Я выбрал место, прилег и принялся ворочать мыслями. Что и как делать, примерно я уже знал, но надо продумать детали, чтобы исключить возможные неприятные неожиданности. Хотя, как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Все может произойти, и всего не продумаешь, соломку не подстелешь. Придется разбираться на месте, ну, да ладно, не в первой. Я приподнялся, еще раз оглядел это место и решил, что оно подходит к моему плану.

Придя на старое место, я снова забрался на дерево и осмотрел сначала деревню, а потом подходы к дому полицаев. До него было метров семьдесят-восемьдесят, и на всем этом пространстве росла картошка. Ботва была уже довольно густая и высокая, так что можно подбраться прямо ко двору незамеченным. А вот и смеркаться начало, пора двигать. Я скинул вещмешок и достал из него моток парашютных строп, их я обрезал с купола парашюта погибшего летчика. Мне тогда подумалось, что они могут пригодиться, вот и пришлось к месту, самое время. Потом я нацепил на себя полицейские причиндалы, пожелал себе удачи и пополз к дому предателей.

18

До дома я добрался довольно быстро, осторожно проник во двор через заднюю калитку и выглянул из-за угла какого-то амбара. Во дворе была полная тишина, но из освещенных керосиновой лампой окон доносились громкие звуки. Там то ли ругались, то ли пьянствовали, но все это было в мою пользу.

Сначала я решил дожидаться полицейских на улице, авось, кто-нибудь и выползет. Но никто не выходил, и я задумал изменить свой план. На улице почти стемнело, и хозяйка с детьми, наверное, уже легла спать. А разговор, доносящийся из дома, становился все громче и громче. Что же, вперед, и я машинально перекрестился, но даже не заметил этого. Я поднялся на крыльцо и подергал за ручку, дверь была заперта, я постучал, но никто и не думал отзываться. Что-то там у них происходило, потому что голоса стали срывать на крик, видимо, не поделили самогонку. Я заглянул в окно, но и там ничего не увидел, оно было занавешено. Тогда я стал грохотать пяткой в дверь и, наконец, крики в доме затихли, наверное, там услышали посторонние звуки. В окне показалась рожа Архипа, и я кивнул ему головой в сторону входной двери. Спьяну он принял меня за своего и нетвердой походкой пошел открывать. Ничего не спрашивая, он распахнул дверь, и я тут же врезал ему кулаком в горло. Он повалился на какие-то ведра или кастрюли, неважно, но грохот стоял отменный. Пока полицейский не очухался, я схватил его за воротник и затащил в дом.

На кухне стоял Осип с выпученными глазами и по стойке «смирно». Я навел на него автомат, а Архипку приложил головой о печку, но не сильно, чтобы отдохнул подольше. Осип так и не двинулся с места, затравленно глядя на меня. Парень-то, видно, трусоват, а я напугал его еще больше:

– Здорово, мурло!

Он только сглотнул слюну и ничего не ответил, а я вытащил из кармана моток строп и кинул его Осипу:

– Свяжи-ка этого, и без шуток!

При этом кивнул на Архипа. Осип поднял моток и пошел к брату, поглядывая на мой автомат. Когда он управился с работой, у него, наконец, прорезался голос:

– Чего ты хочешь?

– А хочу я одного, мил человек, чтобы вы оставили деревню в покое и не мешали людям жить. Служите фашистам, так служите, но без лишнего рвения!

– Но мы и так...

– Замолчи, пес смердячий, я все знаю. В общем, сделаем так. Сейчас одеваешься, вот этого берешь через плечо, и пойдем на улицу, побазарим.

В это время из другой половины дома вышла хозяйка в накинutom на ночную рубашку пуховом платке:

– Что здесь происходит?

– Да ничего страшного, хозяйка. Просто мне нужно поговорить с вашим мужем. И если он меня поймет правильно, то все будет хорошо. Да, Ося?

Полицейский икнул и кивнул в ответ, поглядывая то на меня, то на свою жену. И, хотя мне было неудобно, прежде всего, перед собой за свой поступок, но я все, же сказал:

– У вас есть дети, помните о них.

Мне пришлось сказать это, но у меня не было другого выхода. Потом я поднялся с табуретки:

– Все, пойдем. Не волнуйся, хозяйка, он вернется. И не нужно шуметь.

И я вывел Осипа, несущего на своем плече Архипа, на улицу.

19

Подталкивая полиция автоматом в спину, я сначала вывел их к клену, на котором сидел, когда наблюдал за деревней. К этому времени Архип начал приходить в себя и что-то мычал. Но я не стал здесь останавливаться, а погнал их дальше в лес, туда, где днем отдыхал. Придя на место, я усадил их рядышком, а сам устроился напротив. Я знал, что они никуда не денутся, Архип связанный, а Осип до того напуган, что у него и мыслей таких нет.

– Ну, что, поговорим?

Архип тут же зашевелился:

– Какой базар, начальник!

Он явно вспомнил свое недавнее прошлое, но мне было все равно, про себя я давно уже все решил. Мне нужно Архипа этого довести до такого состояния, чтобы он исполнил мою задумку:

– Ты, мразь, помолчи! Разговор не с тобой будет.

– А с кем? С этим размазней, с Оськой?

– Да, с ним, а твое место у параша!

Я добился своего, и Архип, скрипнув зубами, кинулся на меня. Я точно рассчитал его реакцию на мои слова и, как только он дернулся, одной короткой очередью сшиб его на землю.

А Осип все так же тупо смотрел на это, ничего не соображая. Уставился на тело брата и молчал. Наконец, он поднял глаза и посмотрел на меня, а там у него светилась радость. Я ничего не понимал и подумал, что Осип сошел с ума. Но он вдруг стал как лени и начал меня благодарить:

– Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Теперь мне показалось, что это я сошел с ума. Я ударил его по лицу, и Осип замолчал, а потом вдруг всхлипнул и беззвучно заплакал. Я присел напротив него и стал ждать, когда он успокоится, все равно от него сейчас толку никакого. Пришел он в себя минут через десять:

– Мы ведь дружили с ним с детства, с Архипкой-то. Он младше меня на два года, и мы все время были вместе.

– А мне это зачем?

– Подожди, я хочу выговориться, чтобы ты понял, что я не последняя свинья.

– Валяй!

– Он хоть и помладше был, но любил командовать, а со временем стал помыкать мной. А потом в тюрьму загремел, так, по мелочи – у одного пана гуся украл, шкуру снял и на забор этому самому пану и повесил.

– Давай ближе к делу.

– Пока он в тюрьме был, я женился, детки вот появились. А как пришел он из тюрьмы уж не знаю – выпустили его, или сам сбежал? Ведь кругом такая неразбериха была! Ну вот, когда он заявился домой, то совсем озверел, как будто я во всем виноват.

– А ты ни при делах был?

– Конечно. В общем, стал он меня бить и к жене моей приставать. Она сопротивлялась, как могла, но он избил ее и изнасиловал. Я пытался защитить ее, но он и меня чуть не убил.

– А чего же не заявили никуда?

– А зачем заявлять, позор-то, какой! Да и брат же он мне был, а жене тоже некуда уйти было, сирота она круглая. К тому же – детишки!

– Так прибил бы его!

– Я хотел, но рука на брата не поднимается, своя кровь.

– Конечно, кровь! Он тебе ее пускает, а ты молчишь, как рыба.

– А что мне делать, он и детишек грозился убить. Он и сегодня драку хотел затеять, меня избить, а сам к женке под одеяло.

Осип снова захныкал, мне его даже жалко стало, но я молчал. А он продолжил свой рассказ:

– Когда немцы пришли в деревню, он сразу к ним побежал и стал предлагать свои услуги. Вот они и поставили его полицаем, и меня он тоже заставил поступить к ним.

– Да, вертел он тобой, как хотел.

– Людей было стыдно, но ничего с собой поделатъ не мог, боялся я его. Хорошо, прикончил ты его, за то и благодарю.

– Ну, ты даешь!

– Как тебя звать-то, свечку поставлю за твое спасение.

– Вот это ни к чему. А дело вот в чем – завтра Ольга и Ленка со своими вернутся в деревню и будут жить спокойно. Понял? И не дай Бог, что случится! За тебя я уж точно свечку ставить не буду.

– Да ты что! Я же к ним и не приставал, это все Архип. А что мы с ним делать-то будем? Я бросил ему лопатку:

– Не знаешь, что? Рой яму.

Осип перекрестился и принялся копать, временами останавливаясь передохнуть. Я спросил его без всякой надежды:

– Не знаешь, где наши?

– Какие наши? Ах. Да! Нет, не знаю. Перед тобой проходили какие-то. Человек двадцать. Окруженцы, наверное. А еще пленных гнали на станцию.

– И много их?

– Пленных-то? Человек пятьдесят, да раненые почти все, здоровых мало. Еле ноги переставляли.

– А где они находятся?

– Амбар там есть каменный, недалеко от вокзала, там и сидят.

– Хорошо, Ладно, хватит копать, хорони.

Полицай снова перекрестился, опустил тело брата в могилу и стал закапывать.

– Ты, вот, что! Станут спрашивать про брата, скажи, что ушел на станцию пьянствовать, и больше ты его не видел, понял?

– Да, понял, конечно. Пускай он тут лежит, всем польза от этого, да и сам не мучается в жизни.

Он прихлопал могильный холмик лопаткой, начертил на нем православный крест и еще раз перекрестился:

– Лежи с Богом!

И присел напротив меня:

– Что теперь?

– А теперь домой пойдешь и будешь продолжать служить полицаем. Лучше уж ты, а то пришлют какого-нибудь урода, что людям тошно будет. А про это забудь. Сдох Максим, и хрен с ним.

– Какой такой Максим?

– Это поговорка такая у нас, у москалей! Ну, иди. И не забудь, дети у тебя.

Полицай ушел, а я остался сидеть. Вот, черт, мне на Ольгину поляну теперь будет не попасть, темно совсем. Дороги не найдешь, еще и забредешь куда-нибудь. Придется заночевать в лесу, тем более что ночи сейчас короткие, скоро рассвет. Но я все, же отошел от этой могилы поганой подальше в лес.

20

С рассветом я уже был на ногах и шагал в сторону лесного лагеря. Приблизившись, я осторожно выглянул из-за кустов, ничего подозрительного не было, лишь Ольга доила корову Майку. Чтобы ее не испугать, я громко кашлянул и медленно вышел из леса. Ольга круто повернулась, но узнала меня и улыбнулась:

– А я ждала тебя!

– А я знаю! Сегодня домой пойдете. Наверное, ближе к вечеру, а сейчас мне нужно отдохнуть.

– Хорошо, на-ка вот, молочка выпей.

Я залпом выпил кружку молока и завалился спать в шалаше. У меня было спокойно на душе, я знал, что меня охраняют. Спал я довольно долго и проснулся только после обеда. На поляне все сидели кружком, молчали и ждали только меня. Наверное, им еще не верилось, что скоро они вернутся в родные стены. Я улыбнулся людям, приютившим меня:

– Ну, что же. Пойдемте, скитальцы! А вы, Ванька с Васькой, давайте вперед, обстановку разведайте. Потом один к нам, а второй на месте – наблюдать, а мы пойдем потихоньку, вместе с коровой. Ну, вперед!

Мальчишки мгновенно сорвались с места и исчезли в чаще, а я посмотрел на свой женский батальон и, улыбнувшись, произнес:

– Шагом, марш!

На выходе я оглянулся, кто знает, может, придется мне еще здесь побывать, а может, и нет. Все в руках божьих. Я даже остановился. Вот тебе и атеист-безбожник, а Бога поминает все чаще и чаще. Ну, да ладно, Бог не выдаст...! Опять! Все, вперед!

Добрались мы нормально, без приключений, но шли довольно долго, потому что Майка все норовила задержаться и пощипать травки. Один раз прибежал Васька и доложил, что все в порядке. Посовещавшись, К Ольгиному дому мы вышли со стороны огородов. Так, что бышний раз не рисоваться на глазах у всей деревни, люди всякие есть, сейчас ни за кого ручаться нельзя.

Ленка оказалась соседкой Ольги, так что и им было по пути с нами. Дом у Ольги оказался небольшим, вернее, не дом, а изба. Но все было аккуратно. И сама изба, и надворные постройки. Да и внутри все нормально, тем более что за Ольгино отсутствие здесь никто не безобразничал. Понимали люди, что не дело это! Тем временем Ольга наказала пацанам приготовить баньку. Да, баня мне была просто необходима, а то покрылся уже какой-то коростой из пота, грязи и пыли. Аж самому противно!

Ольгина изба находилась недалеко от дома полицая Осипа. Я, от нечего делать, сидел у окна, а Ольга хлопотала на кухне. И вот тут я заметил Осипа, он медленно шел по деревне, поглядывая по сторонам, посмотрел и на Ольгин дом, приостановился, незаметно улыбнулся и зашагал дальше. Заметил, конечно, дымок и понял, что люди вернулись. В общем, пока суд, да дело, банька и приготовилась. Ольга стала собирать мне чистое белье, мужнино. Я сначала было заартачился, как бы невзначай, но быстро сдался. Пошли с пацанами в баню, попарились, хотя я париться не очень люблю, но мальчишки меня уговорили. Конечно, нужно же было, чтобы грязь полностью отвалилась. А все-таки так приятно ощущать себя чистым, поэтому мылись мы долго, часа полтора, но оно того стоило. Пацаны вышли пораньше, а я еще посидел немного на лавке, выпрямив спину. На стены опираться было нельзя, банька-то по черному топилась, и стены все в саже, так что пришлось бы мыться по-новой. Когда я вышел из предбанника, солнце было еще на небе, дул приятный ветерок. И моя, выстиранная Ольгой, одежда колыхалась на нем. Я стоял, заложив руки за голову и закрыв глаза. И казалось мне, что нет на свете никакой войны, никаких немцев, никаких полицаяев, а есть просто жизнь.

Но вот меня окликнула Ольга, и я, с сожалением открыв глаза, пошел в избу. Пацаны уже сидели за столом, и пили молоко, а я разулся и прилег на деревянную кровать. Ольга собрала свое белье и сказала:

– Я пошла в баню, а вы тут не балуйтесь без меня, я скоро!

И тут у меня невольно выскочило:

– А может, тебе и спинку потереть?

Пацаны прыснули со смеху, зажав ладонями рты, а Ольга внимательно посмотрела на меня и строго сказала:

– А спину тереть мне муж будет, понятно?

– Понятно, еще как!

Ольга вышла за дверь и аккуратно притворила ее, а я закрыл глаза и, кажется, задремал. Но тут меня что-то толкнуло в бок, я вскочил и бросился к окну. Все точно, полицейай вышагивает прямо к дому. Я быстренько загнал пацанов за печку, взял автомат, положил на стол и стал ждать. Осип постучал, тихонько вошел и остановился у порога, нерешительно переступая ногами. Стянул кепку с головы:

– Добрый день!

– Да какой же он добрый? День, как день. Тем более, не день, а вечер.

– Извините.

– Ладно, чего приперся? Случилось что?

– Да нет, ничего. Я так.

Он медленно подошел к столу и засунул руку за пазуху. Я моментально напрягся, но полицейай предостерегающе поднял вторую руку и вынул из-за пазухи...бутылку самогонки:

– Вот, я видел, что у Ольги банька затоплена и подумал – может быть после баньки...?

– Правильно подумал. Как жена? Спрашивала чего-нибудь?

– Конечно, спрашивала, я и сказал, как вы велели.

– Ну, и как она себя повела?

– Обрадовалась она очень, но вида не показала. Видно, догадалась, что к чему.

– Может быть, может быть.

Полицейай снова стал переминаться с ноги на ногу. Я усмехнулся:

– Ну, чего пляшешь?

– У нас теперь вроде, как дело общее, так, может быть, а?

При этом он щелкнул пальцами по горлу, надо же, что удумал! Буду я с всякими иудами самогонку хлебать! Но потом, все-таки, передумал и пододвинул ему табуретку:

– Ну, что стоишь, падай сюда. Так и быть, хлопнем по чуть-чуть. Вась, принеси стопки, пожалуйста.

Васька моментально исполнил просьбу, а полицейай достал из-за пазухи газетный сверток, развернул, а там целое богатство – сало соленое и копченое, яйца и лук. В общем, закусон мировой!

Налили по стопке, выпили, закусили и сидим. Молчим, разговора не получается никакого. Осип поднялся и надел свою кепку:

– Пошел я.

– Ну, иди и делай все правильно.

Он ничего не ответил, потоптался еще немного, сторбился и вышел. Я проводил его взглядом без всякого сожаления. Настроение у меня было приподнятое, но разговаривать, а тем более рассиживать за одним столом с полицейаем, у меня не было никакого желания.

Пацаны убежали куда-то на улицу, а я снова завалился на кровать и лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Из головы никак не выходила Ольга, зацепила она меня чем-то, влюбился я, что ли? Ведь не время и не место, и она к тому же замужем. Еще неизвестно, как

она себя поведет, начини я настойчиво проявлять свои чувства. Поэтому нужно успокоиться, и пускай все идет своим чередом. Как будет, так и будет!

В это время вернулась Ольга. Вошла и остановилась на пороге:

– Вот, это да! По какому поводу гулянка, и откуда все это?

А я лежал и молча, смотрел на нее, как истукан. Черт возьми, она прекрасна! Я даже глаза прикрыл, чтобы не смотреть на нее, но это было выше моих сил. А когда открыл глаза, то увидел, что Ольга приближается ко мне. Она, молча, постояла, глядя на меня, потом наклонилась и поцеловала в губы. Я решительно схватил ее за плечи и повалил на кровать, но в это время хлопнула входная дверь, и в дом буквально ворвались пацаны. Ольга быстро вскочила и поправила растрепанные волосы:

– Что случилось?

Но они ничего не ответили, они просто играли в догонялки. Мальчишки быстро обежали вокруг стола и, таким же вихрем, выскочили на улицу. Первый порыв у нас остыл, но у меня уже было ощущение будущего счастья. Внимательно посмотрев друг на друга, мы уселись за стол, выпивали, закусывали, болтали ни о чем, но в голове билась только одна мысль – когда же, когда же, когда же?

Зашли мальчишки:

– Мам, можно мы еще погуляем?

– Никаких гулянок, давайте ужинайте, и быстро спать!

– Ну, мам!!!

– Никаких «мам», кому я сказала!

Они с сожалением сели за стол и стали нехотя жевать. В это время стелила постели и, обращаясь ко мне, она крикнула:

– Тебе где постелить, Витя?

– А сено есть у тебя в сарае?

– Есть, только прошлогоднее, нынче еще не косили.

– Ничего страшного, постели мне там.

– Хорошо!

Она ушла в сарай, я тоже вышел на улицу и стоял, слушая тишину. В это время Ольга окликнула меня:

– Витя, ты где? Иди сюда!

– Сейчас!

Я медленно, сдерживая себя, зашел в сарай. Там было уже темно, но я увидел светлое пятно и пошел на него. Передо мной внезапно выросла Ольга, положила руки на плечи, и мы стали исступленно целоваться. Потом она легонько оттолкнула меня:

– Поду мальчишек посмотрю, потом приду, жди!

– Постарайся быстрее!

Ольга улыбнулась:

– Как заснут детки, так и приду. Не торопись, а то успеешь.

И она выбежала из сарая, я тоже пошел к дому, мне нужно было забрать свое барахлишко и оружие. Потому, что любовь любовью, но идет война, и от этого никуда не денешься. Потом я разделся, лег и стал ждать Ольгу. Сено, хоть и прошлогоднее, пахло приятно, а где-то в углу шебаршились и попискивали мыши. И под эти запахи и звуки я, незаметно для себя, задремал. Проснулся я от того, что кто-то навалился на меня! Я провел боевой захват, но ощутил под руками податливое женское тело:

– Витенька! Ты что, мне же больно!

Окончательно проснувшись, я жарко зашептал ей на ухо:

– Олюшка! Прости, прости меня, дурака!

А оголодавшие руки уже гладили и мяли горячее тело. Она не противилась и не отстранялась, а, наоборот, тоже ласкала меня! Наконец, мы слились в единое целое, это было так сладко, что мы почти теряли сознание. Потом мы лежали, обнявшись, и никак не могли отдышаться. Немного успокоившись, мы начали снова потихоньку ласкать друг друга, и счастье повторилось вновь. Это было, действительно, счастье! И это повторялось раз за разом, я уже потерял ощущение времени, оно как будто остановилось для меня, да и для Ольги, наверное, тоже. За все это время мы не сказали друг другу ни единого слова. Слова нам были не нужны, за них говорили наши руки и разгоряченные тела. Забылись уже под утро, когда сквозь щели сарая начал проникать зыбкий свет.

21

Мне снилось, что я скачу на лошади, но голова у меня как-то странно мотается из стороны в сторону. И сквозь сон я услышал далекий голос:

– Витя, Витя, очнись!

Я с большим трудом разлепил веки. Ольга стояла передо мной на коленях и трясла за плечи:

– Немцы, Витя!

Я подскочил, как ошпаренный. Ольга принесла мою, уже высохшую, одежду, я начал торопливо одеваться, а она в это время рассказывала:

– Это Осип сейчас прибежал. Говорит, что слышит звук моторов со стороны станции, напуганный такой! Господи, неужели кто-то узнал про тебя и немцам успел доложить? Не верю я в это, народ-то у нас хороший. Но сейчас все может быть.

А я уже успел полностью одеться и привлек к себе Ольгу:

– Не бойся, я рядом, в обиду тебя и твоих детей не дам.

Я нежно поцеловал ее и побежал через огороды в сторону леса. А звук моторов все ближе и ближе. Да, действительно, или у них какая-нибудь акция, или они меня хотят прихватить за жабры. Вообще-то, насчет меня это маловероятно. Немцы тогда бы все сделали тихо, без лишнего шума. Что же, будем посмотреть, как говорил один мой знакомый.

Я снова выбрал дерево повыше и с густой листвой, чтобы не сидеть, как аист на столбе. Черт возьми, если так дальше пойдет, то скоро начнется обратное превращение из меня в обезьяну какую-нибудь, например, в шимпанзе. В зеленой фуражке и с автоматом в волосатых лапах. Ну, тут я уже хватил, конечно, через край, чего только в башку не лезет!

А в деревне, надо сказать, было такое местечко, что-то вроде площади. С колодцем посередине. И оно очень хорошо просматривалось с моего поста. Ага, вот и немцы появились, сначала подъехал мотоцикл, потом легковушка и тупорылый грузовик с солдатами. Из «опеля» вышла парочка каких-то чинов, один из них что-то пролаял, солдаты попрыгали из грузовика и рассыпались по всей деревне. А начальство осталось под охраной мотоциклетного экипажа. Я, конечно, хорошо устроился, но вся деревня мне была не видна, и что там происходило, было неизвестно. Похоже, что немцы стогнали людей на площадь, опять, наверное, будут болтать о своем «новом порядке». Хорошо, если так! Вот тут-то к высоким чинам и подбежал полицейский Осип, вскинул руку в нацистском приветствии, что-то сказал и стал переминаться с ноги на ногу. Это у него, наверное. Что-то вроде нервного тика. Волнуется он так. Офицер еще что-то спросил через переводчика, Осип заговорил, разводя руками и мотая головой в сторону станции. Начальник удовлетворенно кивнул, жестом приказал замолчать и обвел взглядом уже согнанный в толпу деревенский люд. Он поднял руку вверх и начал гавкать, а переводчик говорил уже человеческим языком, причем довольно громко, поэтому я тоже прослушал эту речь:

– Мужики и бабы! Подданные Великой Германии!

После этих слов я не выдержал и плюнул в его сторону:

– Вот сволочь лупоглазая!

Действительно, его глаза чем-то напоминали лягушачьи. Такие я уже видел в первый день войны. А, между тем, фашист продолжал:

– Вы должны понимать, что становитесь цивилизованными людьми, поэтому должны подчиняться новому порядку. Потому, что он несет всем полное освобождение от большевистской заразы. В лесах начали появляться бандиты, они всегда действуют не по правилам войны, нападают из-за угла и убивают немецких солдат и офицеров. Поэтому, при появлении этих, так называемых, «партизан», вы обязаны сообщить об этом командованию немецкими окку-

пационными силами. В противном случае виновные будут повешены, а члены их семей будут отправлены в Германию.

Немец продолжал все в том же духе, надоел уже порядком. Я решил осмотреть деревню, у меня было ощущение того, что здесь не все правильно, что-то не сходится. Несколько автоматчиков, между тем, шныряли по покинутым домам, в надежде отыскать какое-нибудь съестное. Вот тут до меня дошло – в деревне не было видно ни одной курицы, и за все время я не слышал петушиного крика. Вот ведь, гады, даже полицаям своим ничего не оставили.

Осип-то, последние яйца приносил вчера ко мне, все-таки, наверное, неплохой мужик, и немцам пока не выдает. Хотя, может быть, у него свои планы. Но скорее всего, что нет. Не похож он на хитрожопого, просто замученный, боязливый мужичок. И семья ему дороже всего на этом свете.

Я разглядел в толпе Ольгино лицо, похоже, она думала о чем-то другом, более приятном, чем болтовня этого краснобая. А оратор так разошелся, что казалось, он сейчас слюной изойдет, и глаза выскочат на дорогу. Переводчик даже переводить не успевал, а «докладчик» все больше входил в раж, орал что-то о «тысячелетнем» рейхе, ну и тому подобную дребедень. Слушать его я уже перестал и думал, что хорошо бы всадить несколько пуль в этот слюнявый рот. Но он внезапно заглох, как будто его выключили из розетки, и немцы стали торопливо собираться. Ну, вот и славно!

Фашисты упаковались в свою технику и укатили, а народ расходиться не спешил, похоже, что-то обсуждали, временами поглядывая на Ольгу. А она, скрестив руки на груди и покачиваясь с пятки на носок, хмуро наблюдала за людьми. Наконец, к Ольге подошли два каких-то деда и принялись ей что-то внушать, а она, молча, их слушала. Говорили они довольно долго и показывали руками на деревню. Ольга согласно кивнула головой, развернулась и медленно пошла прочь. Я еще подождал, пока народ разойдется, слез с дерева и осторожно направился к Ольге домой. Когда я вошел, она сидела за столом, положив голову на скрещенные руки. Я погладил ее по волосам:

– Что у вас там случилось, что за разговоры?

– А дела вот такие! Люди уже про тебя все знают, здесь же деревня, ничего не скроешь.

– Ну, и что?

– А то, Витенька, что уходить тебе надо. Потому, что бояться люди и за себя, и за деревню. Сегодня-то промолчали, а что дальше будет, неизвестно. У кого-нибудь язык развяжется, что тогда? В общем, просят тебя люди уйти, вот так-то! Сегодня переночуешь, и все!

– Конечно, Оленька, конечно. Не буду же я людей под монастырь подводить.

Она обняла меня и вдруг разрыдалась:

– Не хочу я, чтобы ты уходил.

Я снова погладил ее по голове:

– Нет, это правильно, я должен уйти.

Ольга вдруг прижалась ко мне всем телом и затихла. Тут я заметил в окно, что возвращаются пацаны, осторожно отстранил Ольгу и вышел в сени:

– Вот что, ребята, разговор есть.

Они остановились, вопросительно глядя на меня, а я продолжил:

– Значит, так! Завтра я ухожу, а ваша задача на сегодня будет такая. Когда стемнеет, дойдете до полицая Осипа, и пусть он мне принесет винтовку брата своего, Архипа. И патронов, сколько есть. Понятно? Выполнять!

Пацаны вытянулись в струнку:

– Так точно, товарищ командир!

Я потрепал их по головам и пошел в сарай, чтобы обдумать, что мне делать дальше. Улегся на сено и прикрыл глаза. Да, конечно, удобно устроился лейтенант Герасимов! И крыша над головой, и жратва с выпивкой, и баба под боком, и опасности почти никакой. Живи, да

радуйся! Вот только от присяги меня никто не освобождал, и гнать врага с родной земли все равно придется. Как ни крути, но это моя обязанность и мой долг, и с этим я полностью согласен. Мне просто погано видеть эти сытые рожи и то, что они распоряжаются здесь, как у себя дома, где-нибудь в Баварии или в Саксонии. Мне вспомнился сегодняшний «лектор» с выпученными глазами. Ничего, у вас глаза еще не так вылезут, когда погоним мы вас отсюда поганой метлой. Здесь еще Наполеон горе мыкал!

Я принял решение и задремал, но задремал чуток. И когда скрипнула дверь сарая, автомат был уже у меня в руках. Но это пришла Ольга:

– Витя, Осип пришел.

– Хорошо, Оля, давай его сюда.

Полицай осторожно зашел, присмотрелся и протянул мне винтовку:

– Вот, принес.

– Молодец, патроны давай!

– Сейчас.

И он выложил три обоймы.

– А теперь присаживайся, поговорим.

Осип нашел себе местечко и угнездился.

– Немцев много на станции?

– Не очень, человек пятьдесят.

– А полицая твоих сколько?

Он даже как-то обиделся:

– Почему это моих? Я же за вас головой рискую.

– Ну, ладно, извини!

– Точно не знаю, сколько их там. То приходят, то уходят. Наверное, рыл двадцать – двадцать пять наберется.

– Теперь дальше, какие охраняемые объекты там имеются?

– Ну, сам вокзал, он каменный, там у них и комендатура, и казарма. Еще у стрелки пост, у водонапорной башни. Ну, и пленных охраняют. И еще патрули ходят. Больше не знаю.

– А пленных, сколько солдат охраняют?

– Двое. Там же амбар тоже каменный, да и двери крепкие.

– Хорошо, пойдем дальше. Лупоглазый этот, кто такой?

– Сам комендант.

– Живет где?

– Живет на вокзале, там у него комната.

Я замолчал, обдумывая поступившую информацию. Потом отправил полицая домой. Да, силенок-то у меня маловато, но на моей стороне внезапность. Это все так, но нужно еще оружие, и его надо где-то добывать. И искать его придется в стороне от станции. Пусть там пока все будет тихо и спокойно, как на кладбище. Вот это сказал, так сказал! Хорошо. Что чувство юмора у меня еще не совсем пропало. Значит, проживем! Так лежал я и размышлял, но все равно ждал появления Ольги. И она пришла! И была еще одна чудесная ночь! Все это я запомню надолго.

22

На рассвете мы попрощались. Почти без слов, просто обнялись и стояли молча. Я понимал, что нужно рвать со всем этим, пока полностью не прикипел. И делать это нужно прямо сейчас, очень удобный случай. Поэтому я ей ничего не сказал о том, что собираюсь делать. Но Ольга все равно попыталась выяснить:

– Куда же ты пойдешь, Витя?

– Пойду своих догонять. Только, наверное, это много времени займет, даже если бегом бежать.

И я горько усмехнулся, ведь мне предстояло здесь еще задержаться, и неизвестно, на какое время. Ольга легонько отстранилась:

– Пора, иди. Я тебя никогда не забуду!

– А как же муж? Может, вернется скоро.

– Никакой он мне не муж, а так. Просто живем вместе. В деревне бабе одной тяжело жить, нужно и скотину обиходить, и огород.

– А отец пацанов где?

– Умер он, уже три года как. Замерз по пьянке, его кобыла со станции привезла. Холодный уже был. Нажрался там самогонки, да и заснул с веком. Вот так!

Мы постояли, обнявшись, еще немного, и я ушел, не оглядываясь. Потому, что оглядываться, как говорят, плохая примета. Не встретишься больше никогда, или не вернешься. А я, в глубине души, хотел видеть Ольгу еще и еще.

В лесу я соориентировался и пошел на поляну, на которой стояли наши шалаши. Пришлось мне все-таки сюда вернуться, значит, так нужно. Судьба! Некоторое время я наблюдал за поляной и, не заметив ничего подозрительного, вышел. За время моего отсутствия здесь ничего не изменилось, никто не побывал. Это хорошо! Значит, место пока не обнаружили, здесь и жить будем.

Я сделал на краю поляны небольшой тайничок и сложил туда все лишнее, а сам отправился на станцию. Нужно было осмотреться на месте. Через некоторое время я подобрался к цели. Действительно, станция была небольшая, но это ничего не значило. Для наблюдения за ней снова нужно выбирать дерево, и я невольно вспомнил про обезьяну. Что же, не мы такие, жизнь такая. И нужно вы брать такое место, чтобы солнце было за спиной, иначе линзы бинокля сверкнут отблеском, и снимут меня отсюда, как глухаря. В общем, на это времени ушло порядочное количество, гораздо больше, чем я думал. Но зато местечко было отличное и очень удобное. Это кстати, ведь я и сам не знал, сколько здесь прокукую.

Хорошенько угнездившись, я принялся осматривать станцию, и особенно те объекты, на которые указал полицай Осип – здание вокзала, амбар с военнопленными, водонапорную башню. Да, придется повозиться. Но главным объектом все же был амбар с пленными, начинать нужно с него. Здание выглядело внушительно, было сложено из крупного тесаного камня, да и ворота под стать. Мощные, наверное, дубовые! Так, а теперь охрана. Два человека ходят по периметру, вероятно, встречаются у задней стены и расходятся. Это хорошо, что ворота находятся в торце здания, и часовые довольно приличное время находятся в одиночестве, вышагивая вдоль длинной стены. Теперь – время смены. И как раз в этот момент разводящий привел ее. Так, замечано, часа три – четыре у меня есть. Я дал глазам немного отдохнуть, снова приткнулся к окулярам бинокля и заметил странные столбы на привокзальной площади. Присмотрелся внимательнее – это же виселицы. И, хотя они были пустые, но я понял, что лупоглазый и здесь времени не теряет. Вот, жаба! И точно, на площадь стали сгонять людей, а из здания вокзала вывели двух человек. Они еле-еле шли, поддерживая друг друга, а на груди у них висели какие-то таблички деревянные. И вели их к виселицам! Когда подошли поближе. Я разглядел их,

это были люди в военной форме, но она была вся изодрана и висела клочьями. Лица у пленных разбиты в кровь, но одно мне было определенно знакомо. Конечно, это же тот артиллерийский старшина, который мне не понравился при первой встрече. Но это еще ничего не значило, я же не Господь Бог, и старшина мог быть хорошим человеком. Что, скорее всего, так и было, и я ошибся в нем. Второго я не встречал никогда. Их поставили на какие-то лавки и накинули петли на шеи. И тут я разглядел надпись на табличках – «Бандит», вот оно что! Их, наверное, кто-то выдал, или сами нарвались. Видимо, решили ребята все же повоевать, но срослось у них что-то. Тем временем лупоглазый комендант залаял, как пес. Переводчика я не слышал, но мне это и не надо, известно, о чем он там брехает. Внезапно комендант отдал какую-то команду, из-под пленных одновременно выбили опоры. Все было кончено, я прикрыл глаза и бессильно скрипнул зубами. Вот, гад! Встретиться бы мне с тобой в открытом бою, но это пока невозможно! Но невозможно, не значит, что неосуществимо.

Все, пора размяться, а то все тело затекло. Хотя и удобно было сначала, но долгое время так не выдержать, поэтому я осторожно слез с дерева и зашел подальше в лес. Итак, мы имеем безалаберную охрану пленных. Вероятно, здесь они ничего не опасаются, это уже лучше, чем ничего. В водонапорная башня и железнодорожная стрелка меня пока не интересуют, хотя и их не помешало бы повредить. Но башня кирпичная, стены толстые, здесь мина нужна, гранатами ничего не сделать. Ладно, отставим пока. Остается вокзал – где-то в его глубине находится берлога лупоглазого, и надо его оттуда, непременно, ковырнуть. Но этого сейчас не рассчиташь, нужно действовать по обстановке. Я посмотрел на часы, пора! Забрался на НП и снова начал наблюдение. Меня еще беспокоило то, что я не знал, где кучкуются полицейские морды, на вокзале находились одни немцы, это точно. А это означало одно – полицейское логово мне нужно найти, чтобы знать, откуда ждать нападения. Время шло, и вот я увидел, что к амбару шагает смена. Глянул на циферблат – прошло четыре часа. Так, с этим все! Но ночью, вероятно, смена караула будет происходить чаще. Но, все равно, времени у меня хватит. Теперь проблема с полициями, нужно искать их логово. Я в последний раз обвел глазами станцию, все по прежнему, никакой подозрительной активности.

Я начал обход окрестностей станции, изредка ведя наблюдение, но обнаружить пока ничего, не удавалось. Но вот я наткнулся на проселочную дорогу и решил выждать. И правильно сделал! По дороге в сторону станции топали два полицейя, о чем-то оживленно переговариваясь. Было заметно, что они под «мухой». Их, конечно, можно было бы живьем захватить, а потом допросить с пристрастием, но так делать нельзя, ведь после «беседы» их надо убирать. А исчезновение полицаяв вызовет переполох в их стаде, а мне это совершенно ни к чему. Хотя, может быть, они и не местные, а из какой-нибудь деревни. Но, все равно, шалить нельзя, и я решил проследить за ними, это было несложно. После показательной казни народ сидел по домам, а полицаи, вообще, внимания ни на что не обращали. Вот они вошли в деревянный барак с вывеской «Почта». Ага, значит, здесь вы толкаетесь, «дорогие» предатели Родины. Что же, учтем! Я взглядом нашел то место, откуда наблюдал за станцией и мысленно соединил его с почтой. Теперь я знаю точно, с какой стороны прибегут на шум эти прихлебатели, и хорошо то, что путь их пролегал далеко от здания вокзала. Мне лишние противники ни к чему.

Ну вот, вроде бы все сделал, что мне было нужно. Можно возвращаться, тем более что дело идет к вечеру. Я направился к лагерю, но по пути снова забрался на дерево и еще раз осмотрел станцию. Ведь и с этого места тоже нужно определиться с полициями, здания почты отсюда не было видно, но около него росла здоровенная липа. Поэтому я без особого труда приметил место полицейского «гнезда». Вот теперь можно и уходить. Я вернулся к шалашам и улегся отдыхать, но сон не шел никакими судьбами. В голове постоянно крутилась одна мысль – надо где-то захватить оружие. Хотя бы пару стволов. И еще была одна проблема. Дело в том, что топографическая карта, которую я изъял у «своего» полковника была уже «недействительна». Конечно, у меня имелась еще и штурманская карта, но ее масштаб был слишком мелким, я

мог только примерно определить, где нахожусь. И я принялся размышлять – у Осипа карты, наверняка, нет, он же местный, и она ему ни к чему, а других «приятелей» подобного рода у меня не было. Значит, кого-то надо вежливо «обобрать»!

23

Утром я бодренько соскочил со своего лежбища, попил кипяточку с сухарями и подался на охоту. Я нашел дорогу на карте летчика и теперь топал к ней. Но прошел совсем недолго, часа два, и наткнулся на проселочную дорогу, на карте ее не было указано. Я внимательно ее осмотрел – да, по ней ездили, хотя и не часто, но колея была заметна по примятой траве. Можно и отдохнуть с пользой. Вдруг кто-то появится, я стал ждать, но так ничего и не случилось. А четкого плана у меня не было. Я надеялся на «авось». Но этот «авось» может и не объявиться, поэтому надо думать. И тут мне на ум пришли два связиста, которые прихватили меня во время купания. Вот оно! Я снова достал штурманскую карту и внимательно изучил ее. Невдалеке имелся крупный населенный пункт, а мимо него проходит шоссе. Мне нужно туда! И моя проселочная дорога вела примерно в ту же сторону, туда я и направился. Некоторое время спустя я услышал скрип тележных колес. Кто-то, определенно, двигался мне навстречу, я свернул в кусты и затаился. Наконец, из-за небольшого поворота показалась лошадь с телегой. Я взял автомат наизготовку и стал ждать. На телеге сидели два пацана и тихо переговаривались. Когда они поравнялись со мной, я негромко свистнул. Они остановились, и стали внимательно всматриваться в придорожные кусты. Я спокойно вышел к ним:

– Здорово, пацаны!

– Здорово, дядька!

– А вы откуда и куда?

– В Сахарово ездили, там у нас сестра живет старшая, так мы ей мешок бульбы возили.

Мальчишки держались напряженно. Заметно было, что им не по себе, меня они явно опасались. И чтобы их разговорить, для нужно успокоить:

– Да не бойтесь вы, ребята, свой я, свой!

Я располагающе улыбнулся и присел к ним на телегу. Пацаны переглянулись между собой и, видимо, успокоились.

– Поговорить нужно. Сколько отсюда до этого Сахаровы?

– Точно не скажем, верст пять – шесть.

– Большая деревня?

– Это село, там церковь есть.

– Хорошо, а немцев там много?

– Мы не знаем, мы же их не считали.

– А штаб какой-нибудь есть у них? Ну, где начальство сидит.

– Штаб есть, там машины всякие стоят ихние. Какие приезжают, какие отъезжают.

– Ну, спасибо, пацаны! Выручили, счастливо вам добраться.

Я пожал им руки и спрыгнул с телеги. И они поехали своей дорогой, я пошел своей. Хотя, дорога-то у нас была одна, только двигались мы в разные стороны. Я уже свернул за поворот, когда услышал, что сзади кто-то бежит, я насторожил автомат, но это оказался один из пацанов. Он добежал до меня и протянул полбуханки хлеба и небольшой кусочек сала:

– Возьми, дядька солдат! Голодный, небось?

Я начал было отнекиваться, но пацан не отставал:

– Бери! У нас дома еще есть, деревня наша маленькая, и немцев еще не было. Далеко до нас.

– Ну, спасибо. А зовут тебя как?

– Васькой зовут.

Он рассмеялся, махнул рукой и убежал. Надо же, везет мне на Васек и, главное, на хороших Васек!

Я снова зашагал по дороге, Идти было удивительно легко и приятно, трава мягко пружинила под ногами. Я шел и думал. Если есть штаб и гарнизон, то должна быть и связь, а связь – это провода, а провода – это связисты, а связисты – это оружие и карта. Вот, все и сложилось! Теперь осталось сделать совсем немного, воплотить, как говорится, в жизнь. Я пошел быстрее, внимательно вслушиваясь и вглядываясь по сторонам. Вдруг я заметил на обочине крупные красные капли. Внимательно присмотрелся, конечно, это же земляника! Ради этого стоило сделать привал. Свернув с дороги, я набросился на ягоды. Они были очень душистые и невероятно вкусные. Я ел землянику и гнал от себя мысли о войне. Но все это было напрасно. Никуда от войны не уйдешь, она уже вошла в мою жизнь, и вошла прочно.

Я с сожалением вздохнул и пошел дальше. Прошло уже порядочно времени, я свернул с дороги и стал пробираться лесом. Через некоторое время увидел впереди просвет, значит, скоро буду у объекта. Часть задачи я выполнил, этот уже хорошо. И при этом у меня был четкий план, можно работать спокойно, не ломая голову. А работы много, нужно кругом обойти поселение, чтобы определить место, где проходит телефонный кабель. Потом оставалось только обрезать его и ждать аварийную команду. А с ними-то я «договорюсь»! И я начал обход. Двигался медленно, волоча за собой нетолстую палку. Я ее специально приготовил, оставив на конце, который будет соприкасаться с землей, несколько сучков. Таким образом, у меня получилось что-то типа багра, который должен был зацепить кабель, если я пропущу его взглядом. Все это было хорошо, но занимало много времени. К тому же, багор мой цеплялся, за что только мог, и за коряги, и за корни, и за кусты. Это раздражало меня, но другого выхода я не видел. Шло время, но я так ничего и не нашел, хотя, пропахал уже, примерно, около километра, а результат нулевой. Вообще-то не нулевой, по этому месту я больше не пойду, и это немножко успокаивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.